

РЭНДАЛЛ КОЛЛИНЗ

СОЦИОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЙ

*Глобальная теория
интеллектуального изменения*

Сибирский хронограф
Новосибирск
2002

ББК 87.3
К 60

Данное издание выпущено в рамках проекта «Translation Project» при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса), Россия и Института «Открытое общество», Будапешт, а также благодаря поддержке Посольства США (Public Affairs Section), Москва, Россия

Перевод Н. С. Розова (предисловия, введение, главы 1–3, 5, 12–15, эпилог, приложения 1 и 2), Н. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм (главы 4, 6–11, приложение 3 и указатели)

В книге развернут новый подход социологии интеллектуальных сетей, включающий теорию интерактивных ритуалов, социальную концепцию творчества и формирования долговременных репутаций, модель динамики пространства интеллектуального внимания, подкрепленные детальным сравнительно-историческим анализом основных традиций мировой философии.

Детально проанализированы древнегреческая и эллинистическая, древняя и средневековая китайская, древняя и средневековая индийская, средневековая японская, арабская и еврейская мыслительные традиции, европейская традиция периодов Средневековья, Нового Времени, XIX века. XX век представлен анализом неопозитивизма и Венского кружка, французской структуралистской и экзистенциальной философии, англо-американской ветви. Развитие философского мышления проанализировано в контексте смежных интеллектуальных традиций: богословия, естествознания, математики и логики, с особым вниманием на сетевые контакты (связи личных знакомств между интеллектуалами) и структурные факторы внешнего социального окружения.

Книга предназначена прежде всего профессиональным философам и социологам: специалистам по истории философии, социологии знания, интеллектуальной истории и сравнительному анализу культур. Книгу также оценят все, кто интересуется проблемами творчества, философии, истории идей, рациональными подходами к изучению разнообразия мыслительных традиций.

ISSBN 5-87550-165-0

© Randall Collins, 1998
© President and Fellows of Harvard College, 1998
© Русский перевод, Н. С. Розов, Ю. Б. Вертгейм, 2002
© Вступительная статья, Н. С. Розов, 2002
© Сибирский хронограф, 2002

В каждом волоске есть бесконечное число львов, и к тому же все волоски вместе с этим бесконечным количеством львов, в свою очередь, составляют единственный волос. Эта последовательность бесконечна, подобно драгоценным камням в небесной ткани Господа Индры.

Фа Цан (династия Тан)

Гомер ошибался, говоря: «Да сгинет вражда как между богами, так и между людьми». Потому что, если бы случилось это, то сгнуло и исчезло бы все.

Гераклит

ОГЛАВЛЕНИЕ

Н. С. Розов. «Социология философий» Рэндалла Коллинза — новый этап самосознания интеллектуалов в мировой истории.	7
<i>Предисловие к русскому изданию.</i>	32
<i>Предисловие к первому изданию.</i>	39
<i>Благодарности.</i>	43
Введение.	45
КАРКАС ТЕОРИИ	
Глава 1. Коалиции в разуме.	65
Глава 2. Сети сквозь поколения.	109
Глава 3. Распределение пространства внимания: случай Древней Греции.	143
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ	
<i>Часть I. Азиатские тропы</i>	
Глава 4. Инновации через противостояние: Древний Китай.	209
Глава 5. Внешняя и внутренняя политика интеллектуального мира: Индия.	257
Глава 6. Организационные революции: буддийский и неоконфуцианский Китай.	373
Глава 7. Инновация через консерватизм: Япония.	434
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ	
<i>Часть II: Западные тропы</i>	
Глава 8. Напряжения между собственными и заимствованными идеями: ислам, иудаизм, христианский мир.	514
Глава 9. Академическая экспансия как обоюдоострый меч: средневековый христианский мир.	594
Глава 10. Скрещение сетей и наука быстрых открытий.	681
Глава 11. Секуляризация и философская метатерриториальность.	741
Глава 12. Интеллектуалы получают контроль над своей организационной основой: немецкая университетская революция.	802
Глава 13. Постреволюционная ситуация: междисциплинарные границы как философские головоломки.	893
Глава 14. Писательские рынки и академические сети: французский круг.	977
МЕТАРАЗМЫШЛЕНИЯ	
Глава 15. Последовательности и ветвления в социальном производстве идей ...	1021
Эпилог: Социальный реализм.	1110
Приложение 1. Скопление интеллектуального творчества среди современников ..	1139
Приложение 2. Неполнота нашей исторической картины.	1147
Приложение 3. Ключи к рисункам.	1150
<i>Именной указатель.</i>	1204
<i>Предметный указатель.</i>	1235
<i>Список литературы.</i>	1246
<i>Аналитическое содержание.</i>	1275

ВВЕДЕНИЕ

Интеллектуальная жизнь — это в первую очередь конфликт и несогласие. Преподавание может создать противоположное впечатление, когда мы передаем начинающим то, на знание чего претендуем; но на переднем фронте, где создаются идеи, всегда была дискуссия между противостоящими сторонами. Не признавать это ядро несогласия трудно, ведь отрицать данное положение — значит подтверждать его еще одним примером. Нельзя сказать, чтобы вообще не было никакого согласия. Оставим в стороне вопрос, когда появляется консенсус относительно частных моментов и появляется ли он вообще. Даже в высшей точке дискуссии число мнений не возрастает до максимально возможной степени. Интеллектуальный конфликт всегда ограничен сосредоточением на определенных темах и поиском союзников. Не борющиеся индивиды, но малое число противоборствующих лагерей является устойчивой структурой (паттерном) интеллектуальной истории. Конфликт — это энергетический источник интеллектуальной жизни, и при этом он ограничен сам собой.

Данная книга представляет динамику конфликта и альянса в интеллектуальных сетях, которые наиболее длительное время существовали в мировой истории. Замысел книги находится в сегодняшнем контексте борющихся позиций, как в социологии, так и в интеллектуальной жизни в целом. Кто-то мог бы сказать, что это саморазрушительная попытка, что из всех времен мировой истории наше время является наименее подходящим для сравнительного, глобального рассмотрения, стремящегося раскрыть всеобщее и фундаментальное. Но противоположности структурируют одна другую; я мог бы с тем же успехом сказать, что никакое иное время в истории не соответствует должным образом данному замыслу.

Позвольте мне представить свой подход, критически осмысливая некоторые противостоящие ему взгляды.

1. *Идеи порождают идеи.* Традиция историков интеллектуального процесса состоит в том, чтобы войти в круг некоторых доводов и понятий, показывая, как один набор идей ведет к другому. Такая профессиональная привычка не позволяет решать, что возможно и что невозможно в качестве объяснения. Сильнейший аргумент против трактовки идей в терминах чего-либо иного, чем они сами, был

выдвинут Лейбницем и повторен Сёрлем. Если кто-либо представит человеческий мозг увеличенным до гигантских размеров, говорит Лейбниц, а себя — бродящим среди всей этой машинерии, он не увидит ничего, что напоминало бы идею, насколько бы пристально он ни изучал структуры мозга («Монадология», 17)*. Сёрль воскрешает данный аргумент, обращая его против компьютерных моделей искусственного интеллекта, а также распространяет его против любой психологической и неврологической теории, которая описывает разум как компьютер. Компьютеры созданы людьми, имеющими разум, а входы и выходы компьютеров всегда интерпретируются человеческим сознанием. Считать, что компьютер мог бы думать, — это лишь *façon de parler*** . Это мы вкладываем го-мункулуса в компьютер, это человеческий разум решает, каким образом схема электронных ветвлений должна быть интерпретирована как осмысленные идеи. Вещи и идеи образуют несводимые друг к другу миры; просто нет пути перехода от внешнего описания вещи к внутреннему смыслу идеи [Searle, 1992].

С тем же успехом могло бы показаться, что аргумент Лейбница — Сёрля противостоит различным способам социологического сведения (редукции); действительно, наблюдаемые формы экономического и политического поведения классов и государств имеют иную природу, чем идеи, которые предполагается объяснить с их помощью. Тем не менее Лейбниц указывает на ключ: связь между идеями и пространственным миром человеческих тел бесконечно таинственна, если они действительно являются различными субстанциями; идеи и тела сопряжены, потому что они представляют собой аспекты единого вида сущего. Действительно, не найти идей среди машинерии мозга или компьютера, если искать идею-вещь среди материальных вещей. Идеи вовсе не похожи на вещи, откуда мы не представим их в символах, написанных на каком-то материале, например на бумаге; прежде всего они являются общением (коммуникацией), что означает взаимодействие между людьми, обладающими телесностью. Войти в физический мозг (либо внутрь компьютера) — это уж точно ложный путь для восприятия идей, поскольку идеи обнаруживаются в процессе общения между одним мыслящим человеком и другим и мы воспринимаем идеи другого мозга, только получая их сообщенными нам. То же имеет место и с отдельным человеком: кто-либо воспринимает свои собственные идеи, только откуда он(а) находится в режиме общения. Мыслители не предшествуют общению, но сам коммуникативный процесс создает мыслителей в качестве своих узлов.

* «Если мы вообразим себе машину, устройство которой производит мысль, чувство и восприятия, то можно будет представить ее себе в увеличенном виде с сохранением тех же отношений, так что можно будет входить в нее, как в мельницу. Предположив это, мы при осмотре ее не найдем ничего внутри нее, кроме частей, толкающих одна другую, и никогда не найдем ничего такого, чем бы можно было объяснить восприятие». Русский перевод (Е. Н. Боброва) дан по изданию: Г. В. Лейбниц. Сочинения: В 4 т. М., 1982. Т. 1. С. 415.

** Оборот речи (франц.).

В этом направлении не обнаруживается трудности сведения идей к политической экономии. Экономическая и политическая деятельность является не просто физической, но также осмысленной, прежде всего потому, что она социальна. Сила антиредукционистской позиции в том, что определенные виды идей, которые нам интересно объяснить, не могут быть объяснены ссылкой на социальное действие, где этот вид общения не имеет места. Есть области социологической редукции, где объяснение грубо и не приводит к успеху. Экономические и политические макроструктуры не объясняют многое в абстрактных идеях, поскольку такие идеи существуют только там, где имеется сеть интеллектуалов, сосредоточенных на своих собственных аргументах и накапливающих свой собственный понятийный багаж. Именно внутренняя структура этих интеллектуальных сетей формирует идеи с помощью паттернов «вертикальных» цепочек сквозь поколения и их «горизонтальных» альянсов и противостояний. Редукция является ошибочной не потому, что мы совершаем примитивную категориальную ошибку касательно идей и вещей, но потому, что мы ищем определяющую структуру коммуникативного действия, которая слишком удалена от фокуса внимания, где происходит сама интеллектуальная деятельность.

2. *Индивиды порождают идеи.* Здесь также имеется долгая традиция: культ гения, или интеллектуального героя. Будучи выраженным в подобных терминах, это представление кажется старомодным. Оно сохраняется, будучи очищенным от некогда окружившей его льстивой риторики, поскольку укоренено в категориях, посредством которых мы мыслим самих себя. Индивиды определены в современном праве и политике как облеченные ответственностью лица; гофманианские* ритуалы повседневной жизни обожествляют автономию и защищенную независимость (privacy) индивидуального «я». Образ героя работает столь же успешно в обликах антигероя: Витгенштейн, в своем кожаном пиджаке нарушающий условности «высокого стола»** в Кембридже, представляет собой героя-лидера в неменьшей степени, чем мраморный бюст Аристотеля или Ньютона. Попытки разрушить канон оставляют невредимой категорию столь чтимых индивидов; само представление о пренебрегаемом мыслителе, нецененной женщине-философе или же романтический образ художника, творящего на забытой мансарде, говорят об индивиде как о находящемся вне рангов привилегированных представителей канона.

Мы обнаруживаем индивидов, только абстрагируясь от окружающего контекста. Нам кажется естественным так делать, поскольку мир, как нам видится, начинается с нас самих. Но чтобы прийти к единственному индивидуальному

* О применении И. Гофманом теории ритуалов Э. Дюркгейма к анализу повседневного общения см. гл. 1.

** Стол для профессоров и членов совета в столовой английского колледжа; обычно находится на небольшом возвышении.

сознанию, социальный мир следует заключить в скобки; и действительно, только в рамках конкретной традиции интеллектуальных практик мы научились конструировать эту чисто индивидуальную исходную позицию, подобно Декарту, забравшемуся в крестьянскую печь и решившему усомниться во всем, в чем только можно усомниться. В случае идей, рассматриваемых здесь, идей, имевших историческое значение, можно показать, что индивиды, выдвигающие такие идеи, помещены в типичные социальные структуры: интеллектуальные группы, сети и структуры соперничества.

История философии есть в значительной степени история групп. Ничего абстрактного здесь не имеется в виду — ничего помимо групп друзей, партнеров по обсуждениям, тесных кружков, часто имеющих характерные черты социальных движений. Возьмите подъем немецкого идеализма, от Канта до Гегеля и Шопенгауэра. Первое, что должно потрясти нас, — это даты: все главные работы располагаются между 1781 («Критика чистого разума» Канта) и 1819гг. («Мир как воля и представление» Шопенгауэра) — 38 лет, то есть примерно длительность одного поколения. Есть и социальное ядро — это Фихте, Шеллинг и Гегель, которые некогда жили вместе в одном доме. Вначале Фихте берет на себя инициативу, вдохновляя остальных на общение, когда они были молодыми студентами Тюбингена в 1790-х гг.; затем благодаря его усилиям Йена превращается в философский центр, где возникает течение, вскоре ставшее знаменитым; затем в бурные 1799-1800 гг. Фихте перебирается в Дрезден, чтобы посещать романтический кружок братьев Шлегелей (где у Каролины, жены Августа Шлегеля, был роман с Шеллингом, после чего последовали скандальный развод и новое замужество). Позже Фихте направляется в Берлин, вступая в союз со Шлейермахером (также из круга романтиков) и с Гумбольдтом, чтобы основать университет нового типа; сюда в конце концов приезжает Гегель, основывает свою школу, и там же Шопенгауэр читает свои лекции в бесплодном соперничестве с ним. Еще многое можно сказать в этой связи: анализом данного материала мы займемся в гл. 12.

Дело не в том, чтобы превознести Фихте; у него своя роль в структуре, типичная роль организационного лидера¹. Движение от группы к группе, нахождение организационных ресурсов и последующее движение к установлению центров всегда типично для людей в такой структурной позиции. Организационный лидер не обязательно является интеллектуальным лидером. Теоретически успешна та группа, в которой присутствуют оба. Это позволяет нам понять роль Канта, который является интеллектуальным родоначальником идеализма, хотя в то же время социально он был несколько отстранен, будучи притом намного старше остальных. Тем не менее именно в дальнем Кенигсберге формировалась

¹ См. теоретико-групповую модель, основанную на изучении научных сообществ молекулярных биологов и социологов в период 1930-70-х гг. [Mullins, 1973; Griffith and Mullins, 1972].

растущая сеть, несколько членов которой (в частности, Гаман и ученик Канта Гердер) достигли своей творческой славы прежде самого Канта. Кант изначально не был идеалистом; его первая *«Критика»* запрещает как раз тот вид философии, который стали развивать его последователи. Кант вел игру на другой интеллектуальной арене. Его идеи были подхвачены и превращены во вздымающееся подобно волне философское движение именно тогда, когда появилась организованная группа. В своих поздних работах Кант обратился к идеализму, когда это движение уже существовало. Здесь вновь связующим звеном является Фихте; он был единственным из идеалистов, вошедшим в личный контакт с Кантом, и начал свою собственную карьеру благодаря его поддержке.

Фихте, можно сказать, сделал Канта тем, кем он оказался для истории философии. Но это не означает замену одного героя другим; вернее сказать, «Фихте» сделал «Канта» тем, кем он оказался. Здесь «Фихте» — это условное обозначение социального движения внутри интеллектуального сообщества. Данное движение, рекрутируя новых членов, заражало их творческой энергией и предлагало им перспективные задачи на вновь открывавшихся направлениях мышления. Это движение имело внутреннюю структуру, а также определялось внешними условиями на втором уровне социальной причинности. Идеалистическое движение появилось как раз во время борьбы за трансформацию немецких университетов, что привело к автономии философского факультета и рождению современного исследовательского университета.

Отщепенцы (dissidents) во многом являются частью той же сетевой структуры, что и фавориты: здесь мы находим Шопенгауэра, оказавшегося на краю данной группы и не способного никак прорваться в нее, и Шеллинга, бывшего однажды любимчиком движения, а позже ставшего горьким изгнанником. Такие паттерны тоже являются частью поля структурных возможностей, распределенных между теми, кто находится в ядре пространства внимания, и не зависящими от притяжения и отталкивания на периферии. Рассматривая развивающиеся идеи как удлиненные тени, отбрасываемые величественными фигурами, мы остаемся заключены в рамках принятых овеществлений. Нам нужно научиться видеть сквозь личности, вплести их в сеть процессов, которые ввели этих индивидов как исторические фигуры в круг нашего внимания.

Такие структуры <групп и сетей> задают линии развития философии во всех исторических регионах. Если мы обращаемся к Древней Греции, мы находим историю философии, которая может быть описана как последовательность взаимосвязанных групп: пифагорейское братство и его отпрыски; кружок Сократа, породивший так много других кружков; утонченные спорщики мегарской школы; друзья Платона, основавшие Академию; отколовшаяся фракция, которая стала аристотелевской школой перипатетиков; перестройка сети и ее кристаллизация в виде противостояния Эпикура и его друзей (здесь связи были очень тесны), удаляющихся в свое сообщество Сада, с его соперниками — афинскими стоиками

и их ревизионистскими кружками на Родосе и в Риме; последующие движения в Александрии.

Много параллелей может быть приведено для Китая. Я упомяну только одну: неоконфуцианцы в период династии Сун, наиболее важное движение китайской философии с раннего периода Воюющих царств. Как и немецкие идеалисты, неоконфуцианцы ворвались на сцену двумя перекрывающимися поколениями, в данном случае активными приблизительно в 1040-1100 гг., причем группой, связанной личными узами. Известными стали братья Чэн Хао и Чэн И, их учитель Чжоу Дуньи, двоюродный брат их отца Чжан Цзай и их сосед Шао Юн. В группе были трения и разногласия, а в поколении учеников от нее откололись разнообразные направления. Вновь мы видим организующее ядро: братья Чэн играли решающую роль в установлении связи между остальными, и именно благодаря их деятельности самому раннему мыслителю, Чжоу Дуньи, ретроспективно была приписана репутация основателя. (Эта ситуация переобозначения родоначальника философского направления> в некоторой степени параллельна случаю с Кантом.) Последующая политика данного движения, когда оно распалось на соперничавшие фракции, а в четвертом поколении от Чжу Си и Лу Цзююаня получило свою каноническую форму, служит примером структурированных процессов, которые являются исторически общими.

В Европе такие группы структурировали главные интеллектуальные движения с 1600-х гг. до настоящего времени. Корреспондентская сеть, сформированная Мерсенном в Париже в 1620-х гг. и распространенная на Англию Генри Ольденбургом, была организационной основой того, что в конечном счете стало в 1660-х гг. Французской *Academic des Sciences* и Английской Королевской академией. «Невидимый колледж» в более широком смысле существовал более 60 лет, являясь организационным ядром для поколения основателей современной западной философии. Рост общей численности населения или увеличение общего числа образованных интеллектуалов не делают анахронизмом эти сосредоточенные группы, которые овладевают вниманием в новаторском ядре. В наше время мы опять обнаруживаем две тесно связанные группы, сделавшие основной интеллектуальный вклад: Венский кружок в 1920-30-х гг., чьи позднее рассеявшиеся последователи (и посещавшие его молодые мыслители, такие как Айер и Куайн) стали доминировать в англоязычной философии через полвека, а также парижские экзистенциалисты 1930-40-х гг., наследниками которых является большинство знаменитостей 1960-70-х гг.

Другим паттерном творчества являются межпоколенные сети, цепочки выдающихся учителей и учеников. Примеры их легко привести из всех эпох, а анализом сетей мы займемся в последующих главах. Вот лишь немногие самые знаменитые <вертикальные цепочки>: Фалес — Анаксимандр — Анаксимен; Парменид — Сократ — Платон — Аристотель — Теофраст — Аркесилай — Хрисипп; Панетий — Посидоний — Цицерон; Уайтхед — Рассел — Витгенштейн; или,

ближе к настоящему времени, Brentano — Husserl — Heidegger — Gadamer (как и Heidegger — Marcuse и Heidegger — Arendt). Творчество не распределяется случайным образом среди индивидов, оно сосредоточивается в межпоколенных цепочках.

Третьей характеристикой интеллектуальных полей является структурное соперничество. Какая-либо интеллектуальная работа почти всегда ведется в то же время, что и другая работа, сходная по степени новаторства и охвата. Выдающиеся философы появляются парами или триадами, причем эти соперничающие позиции развиваются одновременно (т. е. они активны на протяжении одного поколения, приблизительно 35 лет). Можно считать символическим, что Гераклит, приверженец идеи абсолютной изменчивости, был современником (ок. 490-470 гг. до н. э.) Парменида, приверженца идеи абсолютно неподвижного Бытия. Эпикур и Зенон Стоик основали с промежутком в пять лет (306-301 гг. до н. э.) две школы, которым предстояло господствовать в эллинистической и римской интеллектуальной жизни в течение многих столетий. В более позднюю эпоху ведущие христианский и языческий философы Ориген и Плотин появились почти одновременно (ок. 220-250 гг. н. э.), покинув одного и того же учителя. В Китае ок. 340-300 гг. до н. э. Мэн-цзы, Чжуан-цзы и Хуэй Ши были современниками и соперниками; столетиями позже (1170-1200 гг. н. э.) рационалистическое и идеалистическое направления неоконфуцианства отстаивали знакомые между собой Чжу Си и Лу Цзююань. Ближе к нашим дням логические позитивисты, феноменологи и экзистенциалисты не только были современниками, но и развивали некоторые из самых памятных своих доктрин в противостоянии друг другу. Паттерн творчества современников-оппонентов сравнимого статуса почти универсален в истории.

Эти соперничества не обязательно носят личный характер. Современные друг другу защитники соперничающих позиций не всегда направляют свои атаки друг против друга и не всегда даже обращают на такие атаки внимание. У Эпикура и Зенона были собственные программы, они спорили в основном против философских направлений и доктрин прошлых поколений, а явное соперничество между их школами развилось только в последующих поколениях. В моменты основания школ открываются пространства, которые наполнены не просто индивидами, но малым числом интеллектуальных движений, которые перестраивают пространство внимания, оттесняя друг друга в противоположных направлениях. Таковы конфликты на линиях различия между позициями, имплицитно являющихся наиболее ценными приобретениями интеллектуалов. По этой причине история философии есть история не столько разрешенных проблем, сколько создания новых линий противостояния, дающих возможность дальнейшей эксплуатации возникающих затруднений>.

Не забыли ли мы индивида? В конце концов, не все интеллектуалы принадлежат к этим группам. Горделивый, замкнутый Гераклит не является единственным в

своем роде. Некоторые влиятельные интеллектуалы (хотя и немногие) изолированы в течение определенного времени, лишены современников, способных выступать как структурные соперники. Помимо этих эмпирических возражений, есть более основательное и принципиальное. Творческие интеллектуалы обычно интроверты, а не экстраверты. Интеллектуальное творчество осуществляется не в групповых ситуациях, но в индивидуальной работе, обычно занимающей по многу часов в день. Однако противоречие это только кажущееся. Интеллектуальные группы, цепочки «учитель — ученик» и линии соперничества между современниками вместе создают то структурное поле сил, в котором и происходит интеллектуальная деятельность. Причем существует путь от таких социальных структур к внутреннему опыту индивидуального разума. Группа присутствует в сознании индивида, даже когда он один: для индивидов, являющихся творцами исторически значимых идей, именно это *интеллектуальное* сообщество является первостепенным, когда он(а) находится в одиночестве. Человеческий разум как вереница мыслей в отдельном теле конституирован историей личного участия человека в цепочке социальных столкновений. Для интеллектуалов это особые виды социальных цепочек и тем самым особые виды разума.

Социология разума не является теорией того, как на интеллектуалов влияют «неинтеллектуальные» мотивы. Поставить вопрос таким образом — значит предположить, что мышление обычно осуществляется независимо, в чистом самодостаточном царстве, и не движется ничем, кроме как самим собой. Однако мышление было бы вовсе невозможно, если бы мы не были социальны; у нас бы не было ни слов, ни абстрактных идей, ни энергии для чего-либо за пределами сиюминутного чувственного опыта. Урок 1-й главы в том, что мышление состоит в создании «коалиций в разуме», интериоризированных из социальных сетей и мотивированных эмоциональными энергиями социальных взаимодействий. Моя задача заключается не в обращении к «неинтеллектуальным мотивам», но в том, чтобы показать, чем являются сами интеллектуальные мотивы.

То, что идеи не зарождаются в индивидах, трудно принять, потому что это кажется направленным против ключевой точки зрения эпистемологии. Аналитически здесь вопрос уже не касается склонности к почитанию интеллектуальных героев. В эпистемологии предполагается, что сама по себе объективная истина зависит от существования чистого наблюдателя, или мыслителя, не ограниченного ничем, но лишь созерцающего истину. Согласно такому представлению, социальное есть непременно вмешательство и нарушение, чуждое вторжение в эпистемологию; если идеи детерминированы социальными взаимодействиями, то они не могут быть детерминированы истиной. Это возражение возникает настолько естественно, что трудно мыслить как-то иначе, вне этой дихотомии: либо существует истина, независимая от общества, либо истина социальна и в силу этого не является объективно верной. Здесь есть два предубеждения. Одно состоит в предпосылке, что конструирование идеализированного индивида, незави-

симого от всего социального, дает такую выигрышную точку зрения, которую социальные сети не могут обеспечить. Напротив: гораздо труднее соединить такого бестелесного индивида с миром, чем соединить с ним социальную группу, поскольку группа уже в некоторой степени расположена в мире времени и пространства.

Второе предубеждение, или молчаливая предпосылка, состоит в том, что критерий истины существует в свободно парящей реальности вместе со свободно витающим мыслителем-наблюдателем. Однако само понятие истины было развито внутри социальных сетей и менялось вместе с историей интеллектуальных сообществ. Сказать это не означает автоматически утверждать ни сомневающийся в себе релятивизм, ни несуществование объективности. Мы просто указываем на исторический факт, когда говорим, что никогда не ступали за пределы человеческого мыслящего сообщества; а социология мышления предполагает, что мы никогда и не выйдем за эти пределы. Само понятие выхода за пределы было развито исторически конкретными ветвями интеллектуальных сетей; то же касается и полемики о якобы развещающем воздействии социологии идей. В эпилоге я буду детально доказывать, что в основе социального устройства познания лежит реализм, а не антиреализм и что утверждение социальности познания является более надежной защитой реализма, чем обычные методы утверждения нашей веры в объективную реальность.

3. *Культура порождает себя.* Современная аргументация обычно утверждает автономию культуры. Эпитет «редукционистский» берется как самоочевидное опровержение того, к чему он может быть применен. При этом нет неоспоримых доказательств того, что культура автономна, что ее формы и изменения объяснимы только в ее собственных терминах.

Некоторые социологи приводят антиредукционистский довод, указывая на то, что многие культурные установки — этническое сознание, религиозная вера, политические идеологии — не коррелируют с социальным классом или иными привычными социологическими переменными. Культура автономна в том статистическом смысле, что нельзя предсказать культуру личностей лишь по их социальной позиции. Напротив, культура развивается своими собственными путями; например, французские округа, которые поддерживали революционных левых, делают это снова и снова в разные исторические периоды; среди американских профессионалов высшего слоя среднего класса всегда были как прогрессисты, так и их оппоненты. Скрытой предпосылкой здесь является рассмотрение социального только как относящегося к социальному классу и нескольким иным переменным, используемым в традиционном обзорном исследовании, которое оставляет за скобками этническую принадлежность, религию, идеологию и подобные вещи. Здесь проявляется неспособность продумать до конца, что за эмпирическая действительность лежит за такими терминами, как «этничность» или «политическое убеждение». Каждое из этих явлений является типом социального

взаимодействия, особой формой дискурса, имеющего смысл для конкретной социальной сети, набором взаимодействий, отделяющим некоторых людей как имеющих конкретное этническое, или религиозное, или политическое самосознание от тех, у кого такого самосознания нет. Культура не автономна от общества, поскольку мы никогда не узнаем ничего, стоящего за термином «культура», кроме как описывая вещи, которые происходят в социальном взаимодействии. Сказать, что культура автономна, что культура объясняет саму себя, и неточно, и избыточно: неточно, если культура определена как нечто исключаящее социальное, поскольку такая культура никогда не существовала; избыточно, если она определена широко, поскольку в таком случае понятие культуры совпадает по объему с понятием социального, что делает культурные объяснения социологическими. В лучшем случае, метафорическое представление об «автономно культурном» указывает на определенные регионы, сети и зоны направленного внимания внутри социального.

Иногда приводится более абстрактный аргумент: культура есть нечто метасоциальное, та основа, которая делает возможным социальное. В племенных обществах большая часть поведения структурирована правилами родства; более общо, социальная жизнь состоит в занятии социальными играми, которые конституированы соответствующими правилами. Обычно в данную теорию включается утверждение, что такие метаструктуры являются исторически специфичными; различные племена, группы, исторические эпохи играют в различные игры и живут в несводимо отличных друг от друга мирах. Применительно к истории идей эта линия аргументации в пользу партикуляризма <как принципа несопоставимости культур между собой> принимает форму представления о том, что пределы и возможности мышления задаются языком; будто бы сама природа синтаксиса определяет, какие философские учения могут быть сформулированы на его основе. Если это так, то философии мира являются герметически замкнутыми из-за различия языков, таких как индоевропейские, семитские и китайский.

Согласно такого рода аргументации, именно китайский язык с его нехваткой эксплицитного синтаксиса мешал философским направлениям развивать формальную логику силлогизмов и прокладывать путь к эпистемологии [Hansen, 1983]. Время осталось в пренебрежении, поскольку у глаголов нет грамматических времен. У существительных нет различий между единственным и множественным, абстрактным или конкретным. При отсутствии определенного артикля предметы в основном предстают как обозначенные вещественными существительными (как «вода» — «water» в английском языке) без четкого обозначения отдельности («данный стол» — «the table»). Целые царства философских рассуждений как бы отрезаны. То, что строится в характерном для китайцев мировоззрении, укоренено в языке. Одно и то же слово может часто использоваться как существительное, прилагательное или глагол, порождая западающие в память множественные смыслы китайской поэзии; в то же время избегается греко-

европейский стиль философствования через сшивание отдельных абстрактных различий. Этому свойству языка обязаны своим центральным положением такие понятия, как *дао*, в которых имеет место специфически китайское смешение процесса и субстанции. Для китайского языка невозможна никакая абстрактная метафизика; характерное для него мировоззрение состоит *sui generis** в том, чтобы быть одновременно конкретным и бесплотным.

Однако язык не является статичным. Благодаря процессам философской аргументации производятся новые концептуальные термины; развитие философии есть развитие ее языка. Это не означает, что языки не могут оказывать сопротивления и что не требуется времени для его преодоления; но поступь философского движения довольно медленна во всех частях мира и редко приводит более чем к одному концептуальному шагу в каждом поколении, длящемся 35 лет или около того. Скорость концептуальной трансформации китайской философии в периоды наиболее интенсивных споров, в 365-235 гг. до н. э., равна скорости подобных трансформаций в любом ином месте.

Приведенный аргумент, будучи примененным к китайскому языку, имеет лишь частное, локальное значение. Другие языки точно так же создают свои затруднения для философии. У греков не было слов, чтобы различать «сходное» и «тождественное»; оба значения передавались как *omoios*, что создавало проблемы уже для пифагорейцев и софистов [Guthrie, 1961-1982, vol. I, p. 230]. В арабском языке нет глагольной связки, а в индоевропейских языках есть трудность в различении экзистенциального значения глагола «быть» («to be») и значения его как связки. Тем не менее философы сделали явными эти различия, попавшие в фокус внимания благодаря дебатам. Ибн Сина хорошо осознавал отсутствие связки, трудности, к которым это приводило, и модифицировал глагол «существовать» (*ваджада*), чтобы привлечь внимание к «экзистенциальным предложениям» (*вуджудийя*), в противоположность предложениям из длинного списка пропозициональных типов [Afnan, 1958, p. 97; Graham, 1978, p. 25-26]. Средневековые латинские философы использовали арабский философский капитал, чтобы заострить смысл различных значений глагола «быть», окружая их следующими друг за другом метафизическими изменениями, основанными на различии между существованием и сущностью, причем это делалось в противоречии с существующим строем языка². У ранних греков идиоматическое сочетание прилагательного с артиклем («этот беспредельный» — «the unlimited», «этот холодный» — «the cold») приводило к тому, что естественной была неспособность

* В своем роде (*лат.*).

Тибетский язык, напротив, содержит естественное различие между глаголом, означающим существование, и глаголом-связкой; это различие не столь ярко выражено в санскрите и полностью отсутствует в греческом [Halbfass, 1992, p. 39]. Дофилософская предрасположенность языка не особенно сильно коррелирует с направленностью мышления, характерной для каждого из данных регионов.

различать абстрактное и конкретное; однако Аристотель преодолевал эту трудность с помощью своего арсенала различений, созданных для занятия выигрышной позиции более высокого уровня абстракции.

Все философские сообщества начинают с конкретных слов в их обыденных значениях. В архаичном Китае *dao* имело лишь конкретный смысл дороги или пути; оно начало приобретать первое из многих своих абстрактных значений в книге «Беседы и суждения» («Лунь юй»), когда вокруг Конфуция формировалось интеллектуальное сообщество. Как и все языки, китайский язык заставил старые конкретные слова служить для передачи абстракций. То же самое у греков: слову *aer* (туман, мгла, темнота) дал значение «вещества», «субстанции» Анаксимен; *logos* было общепринятым греческим словом со множеством значений, пока Гераклит не создал для него философское значение [Guthrie, 1961-1982, vol. I, p. 124-126, 420-434]. Когда работа китайских философов опиралась на достаточно плотную аргументативную сеть*, они расширяли смысловой объем и заново истолковывали взятое из ресурсов собственного языка (в том числе с помощью уточнения посредством частиц и объяснений) для проведения новых различений и достижения более высоких уровней абстрактности, что устанавливало передний край их дебатов; к середине 200-х гг. до н. э. монеты прорвались через конкретные слова к явным абстрактным различениям и сформулировали правила логической аргументации.

Короче, язык — это не *deus ex machina*, объясняющий философию. Не является он и навечно фиксированным; как язык, так и философия изменяются, причем именно изменения интеллектуального сообщества продвигают язык к более абстрактным и точным терминам.

Все тот же аргумент в более общем виде — любая культурная деятельность нередуцируемо задана своими отличительными метаправилами — может критиковаться тем же способом. Исторически неверно, что культурные практики являются фиксированными и неизменными, хотя этнографические описания их выборочных срезов, вырванных из времени, и могут создать такое впечатление. Также в социологической теории необязательно принимать предпосылку, что социальная деятельность подобна игре, полностью заданной правилами. Совсем иной путь постижения социального действия будет представлен в гл. 1.

4. *Все течет; невозможно определить какие-либо контуры или выстроить четкие объяснительные концепции.* Этот аргумент в пользу автономии или особого (*particularistic*) течения культуры объединяется с более общей позицией, называемой постструктуралистской, постпозитивистской или постмодернистской. Никакие общие объяснения невозможны; не может быть общей теории идей, ни социологической, ни какой-либо еще. В то же время парадоксальным

* Под аргументативной сетью (*argumentative network*) автор понимает совокупность лично знакомых мыслителей, ведущих оживленные дискуссии на протяжении длительного времени.

образом постмодернизм сам является общей теорией идей. Элементы этой теории накапливались в интеллектуальных сетях в течение нескольких поколений. Одним из ее истоков являлось феноменологическое движение, в котором велся поиск сущностей сознания и которое было развито Гуссерлем в учение о кризисе европейской науки, а Хайдеггером — в доктрину о кризисе живого смысла. Другой поток шел от сосюрсовской семиотики структуры языка через формалистическую теорию литературы и поиск Леви-Строссом кодов, лежащих в основе каждого элемента общества и культуры. Свой вклад сделала и аналитическая философия Витгенштейна с соответствующими доводами о раздроблении мышления на множество языковых игр. Популяризации всего этого движения послужила его смесь с марксизмом и фрейдизмом, широко распространившаяся среди французских интеллектуалов после 1960г.; затем при повороте, отделившем интеллектуальную победу от политического поражения, произошел сдвиг к постмарксизму, возглавленному потерявшими иллюзии активистами, которые обратили марксистскую технику идеологического разоблачения (и родственную технику фрейдистского разоблачения) против самих этих великих нарративов.

Наложившись друг на друга, данные течения составили теорию идей, соединяясь в своей рефлексивности и отрицании любой фиксированной позиции, с которой могло бы быть проведено объяснение. В то же время постмодернизм сам является объяснением. Большая часть его объяснительной установки параллельна (или даже происходит из ветви) социологии, изучающей социальное производство идей. В поколении Манхейма и Шелера эта линия исследований была названа социологией знания; около 1960г. данное направление стало областью исследования для социологии науки, изучающей сети ученых, публикации и карьеры; в конце 1970-х гг. этот подход был углублен микросоциологическими этнографами, изучающими повседневную жизнь посредством лабораторных исследований локального социального устройства научного познания, и теоретизирован неодюркгеймианцами, такими как Дэвид Блур и представители эдинбургской школы. Широко распространенное постструктуралистское представление о том, что мир составлен из условных оппозиций, имеет корни в классической социологии: Соссюр находился под влиянием Дюркгеймовой социологии идей, с другой стороны, структуралисты восприняли эту тему от Леви-Стросса (ученика племянника Дюркгейма — Марселя Мосса) в форме кода бинарных оппозиций, отвергая в то же время специфику структуралистской теории. Этнометодология Гарфинкеля, ставшая парадигмой для изучения локального производства знания в научных лабораториях, вышла из той же линии гуссерлианской феноменологии, которая в другом сетевом ответвлении дала Жака Деррида³.

³ Хотя я не довожу сети философов до сегодняшних поколений, в гл. 13 и 14 показаны связи многих из наших предшественников, включая Дюркгейма, Фрейда, Витгенштейна и Гуссерля.

Постмодернисты радикализуют социологию идей, отвергая возможность общего объяснения, в том числе причинные или динамические принципы Маркса, Дюркгейма или Леви-Стросса. Разоблачение (срывание масок) оборачивается против самого себя. Идеи не могут быть объяснены через социальное, потому что ничто не может быть объяснено чем-либо еще, главным образом, потому, что само закрепление жестких, вещных границ подрывается этим разоблачением. Обернуть таким образом рефлексивность против самой себя в некотором отношении означает вернуться к прежним позициям философского скептицизма, сходного с пирроновской традицией скептиков эллинистическо-римского периода, хотя постмодернизм и отличается от пирроновского квиетизма, поскольку принял агрессивно морализирующую и полемическую позу, заключив альянс с движениями радикальных феминисток, теоретиков гомосексуального освобождения и сторонников этнического и расового бунта. Стирание границ служит для нападков на привилегии и открывает возможность перестройки социальных категорий (хотя бы только временной) принципиально различными путями. На самом общем теоретическом уровне мы должны признать, что постмодернизм здесь является Дюркгеймовым социальным детерминизмом категорий, радикализованным в такое последующее неустойчивое состояние, из которого уже выброшена дюркгеймовская эволюционная направленность; постмодернизм является Марксовой социологией идеологий, порвавшей с его идеей последовательной смены способов производства ради состояния перманентной эпистемологической революции.

Не обязательно отвергать общее социологическое понимание динамики исторических путей для осознания того, что дюркгеймианский или марксистский однолинейный эволюционизм слишком ограничен. Признание того, что социальные существа не подобны вещам, не заставляет нас считать, что процессы, которыми они в сущности являются, не имеют ни структуры, ни причинно обусловленных контуров.

Предметом этой книги является социология философий, иначе говоря, абстрактных концепций, произведенных сетями специализированных интеллектуалов, которые обращены внутрь к их собственной аргументации. Данная сеть демонстрирует определенную социальную динамику по мере развертывания мировой истории. Предмет исследования — не тот же самый, что производство популярной культуры, такой как реклама, «раскручивание» поп-звезд, индустрия туризма, одежда, электронные сети и множественные перекрестные сочетания всего этого, составляющие предметы постмодернистской социологии культуры. Даже сегодня остается различие между интеллектуальными сетями и этими коммерческими рынками, а в прошлом такое различие было еще острее. В общей риторике постмодернистской критики обычно объявляют неправомерным очерчивание любых аналитических границ; однако это всего лишь голословное утверждение.

Можно говорить, что личное — это политическое, утверждать отсутствие жесткой границы между тем, что делают интеллектуалы, и экономическими, политическими, этническими и тендерными отношениями в рамках соответствующей исторической эпохи. Но степень, в которой являются верными такого рода утверждения, не может быть определена прежде исследования того способа, каким действуют интеллектуальные сети. Действительно, личное есть политическое, но политика интеллектуальной практики в рамках обращенной внутрь себя сети специалистов не является тем же самым, что политика достижения власти в государстве или политика хозяйственных и сексуальных отношений между мужчиной и женщиной. Завоевание центра внимания в соревновании между философами осуществляется с помощью специфических интеллектуальных ресурсов, которые для интеллектуальных сетей являются особыми социальными ресурсами. Имеется изобилие исторических свидетельств того, что при попытке игроков на этой арене проложить себе путь единственно с помощью оружия внешней политики они выигрывают битву лишь ценой утери своей интеллектуальной репутации в сообществе большой исторической длительности. Интеллектуальное и политическое — это не одна и та же игра; и в тех случаях в истории, когда одна игра сводится к другой, интеллектуальная игра не уступает настолько, чтобы совсем исчезнуть: она возрождается тогда, когда внутреннее пространство вновь это позволяет. Без внутренней структуры интеллектуальных сетей, порождающих свою собственную матрицу аргументации, нет идеологических влияний на философию; в таких случаях мы находим только внешние для интеллектуального сообщества идеологии, грубые и упрощенные.

В некоторых кругах модно декларировать, что нет различий между внутренним и внешним, между «микро» и «макро», местным (локальным) и обширным, продолжительным. Силу таким утверждениям дает то, что «микро» и «макро», местное и отдаленное действительно связаны; «макро» построено из цепочек микростолкновений в локальных ситуациях. В каком-то отношении аналитически первичными являются локальные ритуалы, устанавливающие сиюминутную реальность в таких цепочках и заряжающие символы значительностью. Это дает возможность человеческим существам сохранять от одной микролокальной ситуации до другой чувство непрерывной целостности. Подобное представление не означает разложения всех понятий такого рода: невозможно сформулировать представление об отношениях между микроситуационным и транслокальным, если нет понятий для их обозначения. Любая социология, которая пытается устранить такие термины, скоро обнаруживает, что сама вновь проводит контрабандой все те же различия, только в других словах.

Постмодернизм является радикализацией социологии идей, отчасти побуждаемой освобожденным от иллюзий экс-марксизмом, а отчасти — воинствующими идеологиями новейших социальных движений. В академическом мире альянсы постмодернизма со специализированными факультетами литературы и

культуры, как правило, ведут к ослаблению сосредоточенности социологической теории на объяснении. Эти несколько уровней интеллектуальной политики не делают социологию философий невозможной. На самом же деле они делают ее еще одной в семье воюющих между собой двоюродных сестер; но конфликт в межпоколенных линиях наследования отнюдь не является аномальным: в действительности это и есть основной паттерн интеллектуальной истории.

Если имеется родство среди всех ветвей социологии идей, означает ли это, что моя социология философий, как и все ее родственницы, рефлексивно сама себя подрывает? Некоторые ветви данной семьи воспринимают такого рода парадокс с охотой или даже с энтузиазмом; другие его отвергают. Моя собственная позиция состоит в том, что социология философий не является саморазрушительным скептицизмом или релятивизмом; что у нее есть определенные исторические контуры, как и у общей теории интеллектуальных сетей, которая, будучи далекой от подрыва самой себя, служит сама для себя примером и тем самым саму себя подкрепляет. Этот аргумент более детально развернут в конце данной книги, в эпилоге, после рассмотрения всей массы исторических сетей.

Возражение, опирающееся на якобы скептические или саморазрушительные выводы из социологии идей, является эпистемологическим. Другой тип возражения имеет моральный характер: будто бы социология идей с ее общими принципами социальной причинности является антигуманной. Индивиды суть узлы сетей социального взаимодействия — человеческие тела, где накапливаются эмоциональные энергии, а потоки идей-символов кристаллизуются в виде воображаемых коалиций в разуме. Не клевета ли это на нас — сводить наш живой опыт к эпифеноменам и наше с трудом завоевываемое человеческое достоинство к результату тоталитарного давления со стороны группы? Я специально представил данную позицию резко, чтобы опровергнуть любые выводы такого рода.

Разве мы не способны на активную деятельность? Это вопрос <масштаба> аналитической перспективы. «Активность» («agency») является отчасти термином для обозначения первичных основ социологического объяснения, отчасти кодовым названием свободы воли. Разве человеческие существа не делают усилий, не напрягают каждый нерв — или не позволяют себе расслабиться; разве они не принимают решений или не избегают их? Опыт такого рода существует, подобные переживания являются частью микроситуационной реальности, потока человеческой жизни. Я отрицаю только то, что анализ должен на этом остановиться. У кого-то есть опыт силы желания или воли; он меняется, приходит и уходит. Откуда он приходит? Как вы желаете желать или волите водить? Ведущая назад причинная цепочка заканчивается после очень малого числа звеньев. То же самое может быть сказано относительно мышления. Разве не являются чьи-то мысли его (или ее) собственными? Конечно, являются; но почему они приходят в чью-то голову в определенный момент либо выходят из губ или из-под пальцев в определенной последовательности сказанных или написанных

слов? На эти вопросы нельзя ответить на основе одной лишь микросоциологической теории мышления. Объяснять мышление не значит отрицать, что мышление существует, равно как объяснять культуру не значит отрицать, что культура существует. Культура на макроуровне является средой, в которой мы движемся, так же как мысль и чувство являются средой микролокального опыта в наших собственных наделенных сознанием телах. Ничто из этого не представляет собой конечную точку, отделенную каким-либо барьером от возможности дальнейшего анализа.

Продолжим рассуждение. Понимать, каким образом наши эмоции и мысли являются потоками в социальных сетях, не означает отрицать ситуацию нашего человеческого существования. Можно воспринимать все эти уровни одновременно. Вы и я, *именно будучи конкретными индивидуумами* со всей нашей уникальностью, в то же время являемся уникальным образом конституированными потоками чувства и мысли внутри нас и через нас. Напряжение между конкретным и локальным, с одной стороны, и окружающими связями, которые являются социальными и определяют саму нашу конкретность, с другой стороны,— вот в чем состоит ситуация человеческого существования.

Проследивать социальную причинность везде, без исключений для каких-либо привилегированных областей, не означает, что история считается лишь жесткой последовательностью явлений. Социальная структура интеллектуального мира, предмет данной книги,— это продолжающаяся борьба между цепочками личностей, заряженных эмоциональной энергией и обладающих культурным капиталом, за заполнение малого числа центров внимания. Такие точки фокусировки, составляющие ядра интеллектуального мира, периодически перегруппируются; существует ограниченное количество внимания, которое может быть распределено через всю интеллектуальную сеть, но кто и что находится в этих узлах, меняется по мере того, как старые интеллектуальные движения сходят на нет, а новые начинаются. Узлы в пространстве внимания растут: возникая при первых малых успехах основателей, они усиленно развивают начинания прошлого, накапливая и монополизируя внимание, при том что одновременно это внимание уходит от альтернативных узлов. Нет жесткой закреплённости самосознательных целостностей (*identities*), которые мы называем интеллектуальными личностями: они являются великими мыслителями, если энергетически заряжены импульсом роста господствующих узлов внимания, менее значительными мыслителями или же вовсе недостойными упоминания, если заряжены не столь сильно. Именно из-за того, что социальная структура интеллектуального внимания является текучей, мы не можем овеществлять (*reify*) индивидов, героизируя деятеля, который будто бы является жестко определенным носителем силы воли и сознающего прозрения, причем столкновение его с другими людьми будто бы оставляет лишь пыль на его психической оболочке. Такая овеществленная индивидуальность может быть увидена только ретроспективно, если начинать анализ с личностей, известных по

их конечным репутациям, и проецировать репутации в прошлое, как будто бы они и обусловили жизненный путь этих личностей. Моя социологическая задача состоит как раз в противоположном: увидеть сквозь интеллектуальную историю сеть связей и энергий, которые придавали форму самому появлению и развитию данной истории во времени.

Первые три главы представляют общую теорию. Гл. 1 намечает теорию цепочек интерактивных ритуалов (обрядов взаимодействия), которая является микроядром аргументации в пользу социальной предсказуемости мышления интеллектуалов. Гл. 2 дает теорию сетевой структуры, которая детерминирует локализацию творчества, в этой главе также сопоставляются данные о сетях китайских и греческих философов по нескольким десяткам поколений. В последующих главах теория применяется к данным о долговременных сегментах этих интеллектуальных сетей, а также сетей Индии, Японии, средневековых исламского, иудейского и христианского миров, европейского Запада до 1930-х гг. В каждой главе выделяется особая аналитическая тема. Главы необязательно читать в какой-либо определенной последовательности, хотя гл. 3, посвященная Древней Греции, представляет некоторые центральные принципы, которые будут использоваться в последующем изложении. Краткое резюме аналитической модели дано в заключении к первой части книги — «Ингредиенты интеллектуальной жизни». Гл. 15 содержит выводы из всего анализа, схематично представляя пути, по которым интеллектуалы посредством своих споров на протяжении долгих периодов времени развивают следующие друг за другом идеи. Читателю она может быть полезна в качестве путеводителя по книге. В эпилоге делаются эпистемологические выводы из всей предложенной аргументации.

КАРКАС ТЕОРИИ

ГЛАВА 1

КОАЛИЦИИ В РАЗУМЕ

Интеллектуалы — это люди, которые производят деконтекстуализированные идеи. Предполагается, что эти идеи верны или значительны вне каких-либо местных условий, какой-либо локальности и вне зависимости от того, применит ли их кто-либо на практике. Математическая формула претендует на то, чтобы быть верной в себе и сама по себе, вне зависимости от того, используется она или нет и доверяет ли ей кто-либо или нет. Литературная или историческая работа претендует на такой же статус, поскольку она понимается как искусство или ученость: часть царства, более высокого, более достоверного, менее ограниченного конкретными возможностями человеческих действий, чем обычные виды мыслей и вещей. Особенность философии состоит в периодическом сдвиге собственных оснований, всегда, однако, направленном к утверждению или, по меньшей мере, к поиску точки опоры, имеющей большую общность и значимость. Это остается верным и когда содержание философии состоит в утверждении, что все преходяще, исторически и ситуативно задано, имеет лишь локальную ценность; дело в том, что само релятивистское суждение утверждается как достоверное. Такова старая головоломка скептической традиции, обсуждавшаяся весьма детально в эллинистической философии. Скептики, пытаясь избежать того, чтобы делать какие-либо утверждения, неявно придерживаются некоторого метаразличения утверждений по уровням их силы. Это превосходно иллюстрирует социологическую точку зрения, поскольку только интеллектуальное сообщество обладает тем типом отчуждения от обычных забот в котором суждения такого рода являются осмысленными.

Продукты интеллектуальной деятельности, по крайней мере как это чувствуют их создатели и потребители, принадлежат царству, в особой степени возвышенному. Они являются частью «la vie serieuse»* Дюркгейма.

Мы можем узнать в них священные, или сакральные, объекты (sacred objects) в самом сильном значении слова; они обитают в том же царстве, также претендуют на предельную реальность, как и религия. «Истина» является царствующим сакральным объектом для ученого сообщества, как «искусство» — для

* Серьезная, настоящая жизнь (фр.).

литературно-художественных сообществ; эти объекты являются для них одновременно высшими познавательными и нравственными категориями, средоточием высшей ценности, исходя из которой судят обо всем остальном. Как показал Блур на примере математики, интеллектуальная истина имеет все характеристики, установленные Дюркгеймом для сакральных объектов религии: истина трансцендентна по отношению к индивидам, объективна, имеет принудительный характер и требует уважения [Bloog, 1976].

Что придает определенным идеям и текстам этот сакральный статус? Можно предложить теорию очень широкого охвата, указывающую нам условия, при которых символы порождаются и воспринимаются как морально и познавательно обязывающие. Такова теория ритуалов взаимодействия, или интерактивных ритуалов (*interactive rituals*). Она связывает символы с социальной принадлежностью, а затем и то и другое — с чувствами общности (эмоциями солидарности) и структурой социальных групп. Такая теория, как я попытаюсь показать, объясняет колебания уровня солидарности и убежденности, обнаруживаемые в любых социальных структурах, а также объясняет динамику индивидуальных судеб. Особой формой данной эмоциональной энергии является то, что мы называем творчеством, или творческой способностью (*creativity*).

Наша первая теоретическая проблема состоит в том, чтобы показать, почему продукты интеллектуальной деятельности обладают сакральностью особого рода, отличаются от обыденных сакральных объектов, которыми также пронизана повседневная жизнь и которые скрепляют личные дружеские отношения, отношения собственности и структуры власти. Я также должен показать, почему сакральные объекты интеллектуалов, находящиеся под сенью ведущей категории «истины», отличаются от сакральных объектов религии, характерных для морального сообщества верующих. После этого мы рассмотрим, как интеллектуалы производят и распространяют символы в своих собственных высокостратифицированных сообществах.

Общая теория интерактивных ритуалов

Начнем с того, что присуще любому действию,— с конкретной ситуации. Все события происходят здесь-и-сейчас как единичные и особенные. Общую перспективу микросоциологии, в которой анализируются структуры и динамика ситуаций, слишком легко истолковать как сфокусированность на действующем индивиде. Однако ситуация представляет собой взаимодействие обладающих сознанием человеческих тел в течение нескольких часов, минут или даже микросекунд; действующий индивид одновременно и меньше, чем вся ситуация, и больше нее, поскольку является единицей во времени, проходящей сквозь ситуации. Отстраненный действующий индивид, заставляющий события происхо-

диль,— это настолько же искусственная конструкция, как и отстраненный внесоциальный наблюдатель, который выражает собой идеализированную командную высоту классической эпистемологии. «Я», личность, является в большей степени макро-, чем ситуация (строго говоря, личность представляет собой мезо-); данный уровень аналитически произведен, поскольку «я», или действующий индивид, сконструирован динамикой социальных ситуаций.

Локальная ситуация является отправной, а не конечной точкой анализа. Микроситуация не есть нечто индивидуальное, но проникает сквозь индивидуальное, и ее последствия распространяются вовне через социальные сети к макро- сколь угодно большого масштаба. Вся человеческая история состоит из ситуаций. Никто никогда не был вне какой-либо локальной ситуации; и все наши взгляды на мир, вся наша деятельность по сбору данных берут начало здесь. Философские проблемы реальности мира, универсалий, других сознаний, смысла неявным образом начинаются с этой ситуативности. Я не буду заниматься здесь этими эпистемологическими проблемами, разве что замечу: если кто-то отказывается признать существование чего-либо за пределами локального, то он приходит к некоторой версии скептицизма или релятивизма; если кто-то идеализирует происходящее в ситуациях как вытекающее из правил и использует эти предполагаемые правила как инструмент для конструирования всего остального мира, то он приходит к какому-либо типу идеализма.

В социологии акцент на первичности локального был сделан символическим интеракционизмом и радикально усилен этнометодологией; в качестве исследовательской техники и эксплицитной эпистемологии эта позиция была воспринята той ветвью социологии науки, которая изучает локальное производство научного знания в лабораториях. Отрицание того, что существует что-либо помимо локального, верно в одном смысле, но вводит в заблуждение в другом. Верно, что не существует ничего такого, что не было бы полностью локальным; если оно не существует локально, где оно может быть найдено? Но никакая локальная ситуация не является одиночной; ситуации окружают друг друга во времени и пространстве. Макроуровень общества должен быть понят не как слой, расположенный вертикально над микро- (как если бы он находился в другом месте), но как развертывание спирали микроситуаций. Микроситуации встроены в макропаттерны, являющиеся именно теми способами, которые связывают ситуации друг с другом; причинность,— если угодно деятельность (agency) — проистекает извне вовнутрь так же, как и изнутри вовне. То, что случается здесь и теперь, зависит от того, что случилось там и тогда. Мы можем понимать макроструктуры, не реифицируя (не овеществляя) их, как если бы они были сами по себе существующими объектами, но рассматривая макро- как динамику сетей, объединение цепочек локальных столкновений, которые я называю *цепочками интерактивных ритуалов* (*interaction ritual chains*).

Социология идей (как область исследования, занимающаяся в основном социологией научного знания) сталкивается с серьезными ограничениями при интерпретации знания как сугубо локальной конструкции. Значительные идеи, являющиеся предметом интеллектуальной истории, это как раз те, что переносятся транслокально. Изучение локальных мест производства знания упускает то, с чем хорошо справлялась другая ветвь социологии науки: группы мыслителей, цепочки сетевых контактов, соперничество между одной частью разрабатывающего аргументацию сообщества и другой. Группы и цепочки обращены и вовнутрь и вовне: вовнутрь, поскольку, говоря об интеллектуальной группе, мы подразумеваем именно то, что ее члены достаточно часто собираются лицом к лицу, выстраивая интенсивные обмены ритуального взаимодействия, выковыывая идеи-эмблемы, разрабатывая идентичности (основы самосознания), генерируя потоки эмоциональной энергии, которые устойчивы по отношению к другим <идеям-эмблемам, идентичностям, энергиям>, а иногда господствуют над ними; вовне, поскольку цепочки являются способом отсылки к отдаленным связям, пронизывающим ситуации. Как же происходит установление этих связей? Воздействия ситуаций и вовнутрь и вовне — это стороны одного и того же процесса. Сильно сфокусированные ситуации пронизывают индивидуальное, формируя символы и эмоции, являющиеся соответственно средством и энергией индивидуального мышления, а также капиталом, позволяющим выстраивать дальнейшие ситуации в непрерывной цепи.

«Интерактивный ритуал» является термином Гоффмана [Goffman, 1967], с его помощью Гоффман привлекает внимание к тому факту, что формальные религиозные ритуалы, проанализированные Дюркгеймом [Durkheim, 1912/1961], принадлежат к тому же типу событий, который характерен для каждодневной жизни, причем повсеместно. Религиозные ритуалы являются архетипами взаимодействий, связывающих участников в моральное сообщество и создающих символы, действующие как линзы, сквозь которые члены сообщества видят свой мир, а также как коды, с помощью которых они общаются. Имеется масса антропологических исследований, показывающих значимость ритуалов в племенных обществах и могущество соответствующих категориальных схем в контроле над тем, что люди считают само собой разумеющимся, о чем они не могут даже задуматься. В сложных обществах, таких как наше, эти категориальные схемы приобретают большее разнообразие, соответствующее отношениям между группами в стратифицированном социальном порядке [Douglas, 1973]; Бернштейн показывает, что эти схемы встроены в язык социальных классов [Bernstein, 1971-1975]. Дюркгеймианский механизм производства социальной солидарности более явно исследовался в гоффмановской этнографии повседневной жизни [Goffman, 1959, 1971]. Для Гоффмана каждое мимолетное столкновение является малым социальным порядком, разделяемой участниками реальностью, созданной ритуалами солидарности, которые отмечают ее границы — начало и завершение — посредством формальных жестов приветствия

и прощания, а также малых знаков уважения, при помощи которых идеализируются личности участников и сами случаи встречи.

Давайте разовьем эту перспективу. Ритуальность социальных столкновений является переменной; все, что происходит, может быть расположено на континууме от полюса наиболее интенсивного производства социальной солидарности и сакрального символизма вниз, к обыденным и мимолетным ритуалам повседневной жизни, и даже еще ниже, к столкновениям, которые не производят вообще никакой солидарности и никакого смысла. Понимание источника этой изменчивости дает нам ключ к структурированию локальных столкновений; взаимодействия на различных уровнях данного континуума как раз и определяют, с какой силой порождаются социальные символы и эмоции, которые переносятся в последующие ситуации. Общая теория интерактивных ритуалов (которые я обозначаю ИР) является ключом одновременно к социологии индивидуального мышления и эмоций, а также к разнообразным соединениям одной локальной ситуации с другой.

Любой интерактивный ритуал имеет следующие необходимые составные части, или ингредиенты:

1) группа, как минимум, из двух человек, находящихся рядом;

2) участники сосредоточивают (фокусируют) внимание на одном и том же объекте или действии, и каждый осознает, что другой удерживает этот фокус внимания;

3) они разделяют общее настроение или эмоцию.

На первый взгляд кажется, что здесь упущено ядро обычного определения «ритуала» — стереотипные действия, такие как произнесение словесных формул, пение, совершение предписанных жестов и облачение в традиционные одеяния. Все это внешние аспекты формального ритуала, которые вызывают социальный эффект только потому, что обеспечивают взаимный фокус внимания. Такой же фокус неявно возникает в феноменах, которые мы могли бы назвать *естественными ритуалами (natural rituals)*. В той степени, в какой поддерживаются эти ингредиенты, они создают следующие социальные эффекты:

4) усиливаются и накапливаются взаимный фокус внимания и общее настроение. Телодвижения, речевые акты и голосовые микрочастоты согласуются в едином ритме, общем для всех участников. По мере того как микрокоординация усиливается, участники временно объединяются в общей для них реальности и ощущают границу, или мембрану, между этой ситуацией и кем-либо вне ее;

5) в результате участники ощущают себя членами группы, имеющими взаимные моральные обязательства. Их отношение символизируется всем тем, что служило фокусом внимания во время ритуального взаимодействия. Впоследствии, когда люди используют данные символы в разговоре или мышлении, это безмолвно напоминает им о групповой принадлежности. Символы заряжаются социальным смыслом благодаря опыту интерактивных ритуалов; символы

разряжаются и теряют свою принуждающую значимость, если такие столкновения не возобновляются в течение какого-то времени. Таким образом, происходит каждодневная флуктуация актуальности символов. Символы напоминают участникам о том, что нужно вновь собрать группу — принять участие в еще одной церковной службе, еще одной племенной церемонии, еще одном праздновании дня рождения, еще одном разговоре с другом, еще одной научной конференции. Выживание старых символов и создание новых зависит от степени периодичности, с которой собирается группа¹. Символы, достаточно заряженные чувством принадлежности к группе, задают индивиду определенный образ действия даже в отсутствие группы. Достаточно хорошо заряженные символы становятся эмблемами, которые защищаются от осквернителей и чужаков; они являются метками, обозначающими границы правильного, а также боевыми знаменами, олицетворяющими превосходство групп;

б) индивиды, которые участвуют в интерактивных ритуалах, наполняются эмоциональной энергией пропорционально интенсивности взаимодействия. Дюркгейм называл эту энергию «моральной силой», приливом энтузиазма, позволяющим индивидам в муках ритуального участия совершать героические акты страсти или самопожертвования. Я бы подчеркнул другой результат возникающей в группе эмоциональной энергии: она заряжает индивидов подобно электрическим батареям, давая им соответствующий уровень энтузиазма по отношению к ритуально созданным символическим целям, когда эти индивиды находятся вне группы. Многие из того, что мы полагаем личной индивидуальностью, определяется степенью обладания энергией интенсивных ИРов; в высшей точке данной шкалы такие личности являются харизматическими; при несколько меньшей интенсивности они предстают сильными лидерами или теми, кого называют «душа общества»; умеренные заряды эмоциональной энергии делают индивидов пассивными; а те, чье участие в ИРах скудно и безуспешно, становятся замкнутыми и подавленными. Эмоциональная энергия (сокращенно ЭЭ) перетекает из ситуаций, когда индивиды участвуют в ИРах, в ситуации, когда они находятся в одиночестве, и сохраняется здесь. Столкновения влекут за собой эмоциональные последствия; именно таким путем люди могут продолжать вести свою внутреннюю жизнь и выстраивать индивидуальные траектории, формируясь при этом в узлах социального взаимодействия. Через какое-то время ЭЭ угасает; для ее возобновления индивиды вновь возвращаются к ритуальному участию, чтобы «подзарядить» себя.

¹ С этим связано хорошо установленное отношение между частотой взаимодействия и конформностью убеждений [Normans, 1950]. Шефф показывает, насколько жестко проявляется взаимодействие фокусированной группы в познавательной конформности, через порождение гордости как положительной эмоции, которую я бы назвал ритуальным обязательством (ritual bond), либо стыда как отрицательной эмоции <опасения> быть исключенным из фокуса взаимодействия [Scheff, 1988].

Вся социальная жизнь является экологией человеческих тел, сходящихся и расходящихся по ландшафту. Когда индивиды встречаются, их столкновения в разной степени обладают свойствами, порождающими интерактивные ритуалы. В принципе мы можем предсказать, что произойдет: какая степень солидарности будет достигнута в различных ситуациях, какие виды символов созданы и насколько отдельные люди будут им привержены. Эти столкновения производят непрерывный поток социальных мотиваций, поскольку люди выходят из каждой ситуации с запасом <эмоционально> заряженных символов (которые могут быть названы *культурным капиталом*, или КК) и с эмоциональной энергией. Людей привлекают те ситуации, в которых они могут наилучшим образом использовать ранее приобретенный культурный капитал и символические ресурсы для того, чтобы сфокусировать речевую деятельность и таким образом породить дальнейшую солидарность². Жизни индивидов суть цепочки интерактивных ритуалов; соединение этих цепочек конституирует все, что является социальной структурой во всех ее мириадах форм.

Рассмотрим теперь особые виды цепочек интерактивных ритуалов, которые конституируют мир интеллектуалов.

Интерактивные ритуалы интеллектуалов

Интеллектуальные группы имеют нечто общее со всеми другими типами социального членства. Каждая локальная группа привержена своим символам, но природа этих символов меняется, и так же по отношению к ним меняется самосознание членов группы. Изолированные сообщества, в которых постоянно сталкиваются одни и те же люди, склонны реифицировать свои символы, как если бы они были конкретными объектами; в предельном случае изолированных племен или преднамеренно отделившихся культовых сообществ эмоциональная приверженность символам персонифицирована в магических или религиозных силах. На другом полюсе континуума столкновения происходят в смещающихся узлах широко раскинувшихся сетей, где меняющийся состав персонажей привносит в скоротечные отношения смешение культурных капиталов. Такие паттерны дают

² Заметим, что вести переговоры («торговаться» — negotiate) относительно следующей ситуации в цепочке, используя символический капитал, накопленный в предыдущих ритуалах, — это не то же самое, что следовать набору мета-правил. Символы, как и правила, являются познавательными конструктами, на которых участники могут сосредоточиваться в рамках ситуаций, и таким образом придавать субъективное толкование происходящему. Однако познавательный смысл символов — это не то, что ведет интерактивный ритуал; символы являются осадками процессов более базовой координации действий, определяющей ритуальную интенсивность столкновения. Ритуальные практики осуществляется не потому, что люди следуют правилам выполнения ИРов; ингредиенты, указанные в пп. 1-6 являются естественно проявляющимися формами социального взаимодействия.

в результате абстрактные символы, которые участники воспринимают с некоторым отчуждением и рефлексивно осознают их социальную относительность. Интеллектуалы являют собой особое сочетание в высокой степени локалистского и в то же время отчужденного и космополитического типов солидарности, соответствующих дюркгеймианской органической и механической солидарности.

Интеллектуальные сакральные объекты созданы в сообществах, которые распространены широко, но обращены вовнутрь, ориентированы на обмен скорее между собственными участниками, чем с аутсайдерами, и которые утверждают свое исключительное право посредством размышлений принимать решения о правильности и обоснованности (validity) своих идей. Полностью локальные группы, такие как племя или дружеский кружок, в первую очередь заботятся о собственной солидарности и идентичности; у них нет того вида претензии на универсалистскую или трансцендентальную значимость своих собственных символов, которая есть у интеллектуалов относительно «истины». Интеллектуалы с гораздо большей рефлексивностью и самоанализом осознают свою групповую идентичность, чем обычные группы. Интеллектуалы рассматривают самих себя с абстрактной позиции — исторической, философской или даже с позиции социологической или психологической рефлексии. Сходное возвышенное отношение к своему искусству исторически усвоили и художники.

Как же обстоит дело с социальными взаимодействиями интеллектуалов, создающих те абстрактно деконтекстуализированные символы, которые шествуют под главенствующим знаменем «истины»? Отличительные ИРы интеллектуалов — это ситуации, когда интеллектуалы собираются вместе ради серьезного разговора, причем не направленного на социализацию и не имеющего практического характера. Именно в этом акте обращения друг к другу интеллектуалы отделяют себя от других сетей социальной жизни. Дискуссия, лекция, аргументация, иногда демонстрация или проверка данных — вот те конкретные виды деятельности, из которых возникает сакральный объект «истина».

Есть иная возможность. Характерными занятиями интеллектуалов являются чтение и написание текстов; «яйцеголовый» — это тот, чей нос всегда в книжке, тот, кто все время пишет тексты, которые, возможно, никто никогда читать не будет. Писания интеллектуалов — это не личные письма человеку, который прочтет их и ответит. С обычной точки зрения, не завуалированной стеснительностью, это видится достаточно ясно, подобно тому как воспринял герцог Глостер преподнесенный ему в подарок новый том *«Упадки и разрушения Римской империи»*: «Еще одна чертова толстенная книга! Все мараете, мараете, мараете бумагу! А, мистер Гиббон?»

И, в самом деле, это совершенно верно. Интеллектуалы главным образом ориентированы на письменное слово. Особенно в современном мире они проявляют свое творчество в одиночестве и на бумаге, а в какой-то момент могут изложить его устно. И даже если самые ранние моменты творчества могут быть

иногда выражены вслух или мысленно, интеллектуалы тем не менее испытывают потребность изложить свои идеи на бумаге, но не просто на бумаге, а еще и отдать «в печать». Неважно, будет кто-либо читать их или нет, но сама публикация работы является большой символической наградой; это выводит авторов из царства частного в царство публичного (интеллектуальной публики, т. е. той, которая единственно и принимается в расчет). Интеллектуалы склонны чувствовать, что какая-то идея не вошла полностью в их реальность, пока ее нет в системе ссылающихся друг на друга книг и журналов, системе, которая конституирует продукты деятельности интеллектуального сообщества.

Хотя лекции, дискуссии, конференции и другие собрания в реальном времени могут показаться избыточными в мире текстов, тем не менее это как раз те структуры «лицом к лицу», которые являются наиболее устойчивыми на протяжении всей истории интеллектуальных сообществ. В ранней интеллектуальной истории написание текстов, конечно, должно было быть менее важным, поскольку письменные принадлежности были дорогостоящими, а процесс «публикации» трудоемким. Но революция — изобретение книгопечатания (ок. 1000 г. н. э. в Китае периода династии Сун; к 1450 г. в Европе) — должна была все в большей мере приводить к тому, что интеллектуалы осуществляли бы свою деятельность, никогда не встречаясь друг с другом. Такой тенденции нет. Как мы увидим, и достаточно детально, в последующих главах, основная форма существования интеллектуальных сообществ оставалась практически неизменной на протяжении более двух тысяч лет. Ключевые интеллектуальные фигуры соединяются в группы в 1900-х гг. н. э. во многом так же, как в 400-х гг. до н. э. Личные контакты между выдающимися учителями и их учениками, которые станут выдающимися позже, составляют те же виды цепочек сквозь поколения. И это верно даже притом, что технологии коммуникаций становились все более и более доступными, а число интеллектуалов выросло чрезвычайно сильно: от порядка сотен в Китае времен Конфуция до миллионов научных работников в области естествознания (scientists) и ученых-гуманитариев (scholars), публикующихся сегодня.

Интеллектуальная жизнь вращается вокруг ситуаций «лицом к лицу», поскольку только на этом уровне могут происходить интерактивные ритуалы. Интеллектуальные сакральные объекты могут быть созданы и сохранены, только если есть церемониальные собрания для поклонения им. Это то, что делают лекции, конференции, дискуссии и диспуты: они собирают интеллектуальное сообщество, фокусируют его внимание на общем, исключительно им принадлежащем объекте и усиливают определенные эмоции вокруг этих объектов. Но что именно

Было вычислено, что 10% всех статей в некоторых областях науки никогда не цитируются, а возможно, никогда никем и не читаются [Price, 1986, p. 108; Hagstrom, 1965, p. 229]. Как мы увидим, есть громадный разрыв в интеллектуальном представительстве между малым числом публикаций, имеющих много читателей, и большим количеством публикаций, которые читаются очень немногими.

отличает такие собрания интеллектуалов от любого другого вида ИРов? Одно отличие заключается в структуре внимания. Ключевым интеллектуальным событием является лекция или формализованный спор (диспут) т. е. некоторый отрезок времени, в течение которого один человек выступает с речью, представляя развернутую аргументацию по определенной теме. Это отличается от ситуаций обмена, («давать и брать») в дружеских беседах, которые, как правило, не могут достичь сколько-нибудь сложного и абстрактного уровня, потому что фокус внимания смещается слишком часто. Интеллектуалы сосредоточивают свое внимание в течение получаса и более на одной точке зрения, представленной как единый поток рассуждения, и тем самым возвышают эту тему, превращая ее в более крупный сакральный объект, чем малые фрагментарные «обменные жетоны» обычных социальных связей.

Это дает нам часть ответа. Но сказанного еще недостаточно, поскольку есть и другие, мирские ситуации, когда один человек монополизирует дискурс. Контроль над тем, кто получает слово, является главным средством утверждения власти на микроуровне; любой начальник, босс, вождь, офицер высокого ранга или авторитарный родитель также может управлять такой односторонней структурой дискурса. Другие ИРы ближе к интеллектуальным лекциям: политические речи, проповеди, развлекательные монологи, обращения и речи в честь или в память кого-либо. Выступающий может говорить в течение весьма долгого времени, причем он (или она) надеется на пристальное внимание большой аудитории. Эти случаи имеют ритуальную структуру публичных событий или праздничных перерывов в рутинной жизни сообщества и, таким образом, проходят некоторую часть пути по континууму к тем «трансцендентальным» качествам, которые есть у интеллектуальных ритуалов. Несмотря на эти сходства, интеллектуальные ритуалы характеризуются особой природой фокуса внимания и отношением между выступающим и аудиторией. Интеллектуальный ИР состоит не в том, чтобы отдавать приказы или сообщать практическую информацию, но в развертывании мировоззрения, в претензии на понимание <содержания высказываний> как на самостоятельную цель. Публика находится в позиции только слушателей — не подчиненных, не участников морального сообщества веры, к которой обращается религиозный ритуал. Интеллектуальный дискурс неявным образом сосредоточен на своей автономии от внешних забот и на рефлексивном осознании самого себя.

Что дает возможность интеллектуалам занимать эту характерную позицию? В том ли дело, что интеллектуалы особым образом погружены в чтение и писание? Ключевой интеллектуальный ритуал, лекция или доклад, представляет собой то, что было подготовлено в результате чтения соответствующего объема текстов; а содержание сказанного обычно уже на пути к публикации (если это еще не сделано). Интеллектуальный ИР является в общем случае ситуационным способом бытия текстов, которые представляют собой долговременную жизнь дисциплины. Лекции и тексты сцеплены воедино — вот что составляет отличии-

тельную особенность интеллектуального сообщества и что выводит его за рамки любого другого вида социальной деятельности.

Не удивительно, таким образом, что исторически интеллектуальные сообщества возникали <и развивались> в то же время, что и общедоступные системы письма. Это может быть сформулировано более точно. Дело не просто в том, что алфавит или идеографическая система должны были быть изобретены и использованы для ведения административных или коммерческих записей либо для религиозных целей. Такая письменность существовала в Египте и Месопотамии за много веков до возникновения интеллектуального сообщества. Необходимо еще социальное устройство для написания текстов определенной длины и распространения их на значительное расстояние среди читателей, иначе говоря, требуется, автономная сеть для интеллектуальной коммуникации. Как выявили Гуди и Уотт, Хэйвлок и другие, написание <текстов> позволяет трансцендировать, т. е. выходить за пределы сиюминутного настоящего; это открывает ворота к абстракции и общности [Goody and Watt, 1968; Havelock, 1982]. Интеллектуалы как сообщество, уникальным образом ориентированное на создание текстов, — люди, живущие ради производства и передачи текстов, — могли появиться только вместе со структурой, распределяющей тексты. Идеалы истины и мудрости, присущие интеллектуалам, являются центральными сакральными объектами данной структуры. Однако системы письменной коммуникации недостаточно. Мы видим это в самих ранних текстах. Прорыв к интеллектуальной абстракции в Индии показан в *упанишадах*, в которых описываются диалоги между мудрецами и сходное с чтением лекций руководство учениками со стороны учителей. В Китае соответствующий период представлен в *«Изречениях»* Конфуция, опять же в односторонних диалогах, в которых господствует учитель. В Греции интеллектуальный диалог стал знаменитым благодаря Платону и служил предметом подражания для последующих поколений. Структурно диалоги не являются обычными разговорами; во всех этих диалогах лидирующая роль предоставлена одному говорящему, который ведет и поддерживает сквозную линию аргументации.

Без ритуалов «лицом к лицу» написание текстов и сами идеи никогда бы не были заряжены эмоциональной энергией; тексты и идеи были бы дюркгеймианскими эмблемами мертвой религии, приверженцы которой никогда не приходят на церемонии. Тексты не просто выходят за пределы сиюминутных частных «здесь-и-сейчас», прорываясь к абстракции и обобщению. Быть ориентированным на сочинения интеллектуалов — значит осознавать само это сообщество простирающееся во времени и назад и вперед. Интеллектуальные события настоящего времени — лекции, диспуты, обсуждения — происходят словно на сцене, с явно видимым задником, составленным из прошлых текстов, вне зависимости от того, основываются ли участники на этих текстах или критикуют их. Интеллектуалы особенно остро осознают наличие своих предшественников, причем их собственная продукция адресована невидимым аудиториям. Даже когда они

читают лекции реально присутствующей группе, возможно, собственных студентов, учеников или коллег, их послание неявно представляет собой звено непрерывной цепи и в дальнейшем его будут повторять, обсуждать или дополнять.

Что характерно, участники интеллектуальных ритуалов не занимают пассивной позиции. Фундаментальная характеристика интеллектуальных структур состоит именно в том, что задаются вопросы и ведутся споры; также часто происходят взаимные опровержения в круговой структуре, напоминающей равным образом кольцо кула, потлач и вендетту. Даже когда интеллектуалы сидят молча, составляя аудиторию лекции или доклада, они осознают свою роль в качестве участников этого дрящегося сообщества. Их собственные идеи были образованы цепочкой из прошлого; ситуация, в которой они находятся, — просто еще одно звено в этой цепи. Интеллектуалы будут продолжать инкорпорировать эти идеи в собственные будущие творения и дискурсы, по меньшей мере они просеивают идеи, чтобы понять, пригоден ли данный материал для их целей.

В центре внимания интеллектуальной группы находится скорее осознание непрерывности обсуждений, чем конкретное содержание дискуссий. Лекции не всегда убеждают; конференции редко приводят к единодушию. Каждая из интеллектуальных групп, которые я представляю в схемах этой книги, включала некоторый разброс мнений. В спорах начался сократовский кружок; внутренние расхождения имела сеть неоконфуцианцев в Китае эпохи Сун; в различных направлениях продвигались ведущие члены интеллектуальных кружков, будь то идеалисты Йены и Веймара, Венский кружок или парижские экзистенциалисты. Ритуальное средоточие групповой солидарности находится не столько на уровне конкретных утверждений и убеждений, сколько в данной деятельности как таковой. Внимание фокусируется на особом виде речевого действия: ведении диалога, выходящего за пределы сиюминутной ситуации и соединяющего прошлые и будущие тексты. Глубоко укорененное осознание этой общей деятельности — вот что объединяет интеллектуалов как ритуальное сообщество.

Таким образом, это и есть интеллектуальный ритуал. Интеллектуалы собираются, на некоторое время сосредоточивают внимание на ком-то одном из них, кто представляет развернутый дискурс. Этот дискурс сам по себе строится из элементов прошлого, утверждая и продолжая либо отрицая их. Ранее заряженные старые сакральные объекты «подзаряжаются» вниманием либо деградируют, теряя свою сакральность, и изгоняются из жизни сообщества; новые кандидаты в сакральные объекты предлагаются для освящения. Через отсылку к текстам прошлого и текстам будущего интеллектуальное сообщество удерживает осознание своих проектов, выходя за пределы всех частных ситуаций, в которых они принимались. Таким образом, особый ведущий сакральный объект — истина, мудрость, иногда также поисковая или исследовательская деятельность — является одновременно и вечным, и воплощенным в потоке времени.

Жизненные траектории как цепочки интерактивных ритуалов

Целостная макросоциальная структура, в том числе и неинтеллектуальных сообществ, держится на ритуальных взаимодействиях. То, что мы называем структурой, есть краткий способ обозначения повторяющихся паттернов, столкновений, к которым люди постоянно возвращаются, возобновляя свои ритуалы. Эта большая структура ощущается как внешняя; она воспринимается как вещь, кажется обязывающей и сопротивляющейся изменению. Такое чувство принуждения (*constraint*) появляется отчасти потому, что главные институты, будучи повторяющимися сетями, основываются на своих особых ИРах, в которых выработана эмоциональная приверженность по отношению к их опознавательным символам. Для данных интенсивно производимых символов принадлежности к сообществу характерно то, что люди реифицируют их, относятся к ним как к вещам, то есть воспринимают их как «сакральные объекты» по Дюркгейму. Организации, государства, также как должности и роли внутри них, являются сакральными объектами именно в этом смысле: как реифицированные паттерны реального жизненного взаимодействия, в познавательном отношении поднятые над уровнем простого предписания и рассмотренные в качестве самодостаточных целостностей, с которыми индивиды должны соотносить свое поведение. Это символическое социальное структурирование мира распространяется даже на физические объекты, превращая их в собственность, присвоенную с санкции социальных групп.

Проходя сквозь эту сетку столкновений, индивиды создают свои собственные истории ритуального участия. Мы можем назвать это цепью обрядов взаимодействия, или *цепочкой интерактивных ритуалов* (*interaction ritual chain*), или ИР-цепочкой. Каждый человек присваивает личный репертуар символов, нагруженных значимостью социального членства. В зависимости от степени космополитизма и социальной плотности групповых ситуаций, в которых индивиды себя проявляли, у них появится репертуар символов с разными степенями абстракции и реифицированности, с различным обобщенным и обособленным содержанием. Это составляет их *культурный капитал* (КК)⁴.

Данный термин принадлежит Пьеру Бурдьё [Bourdieu, 1979/1984; Bourdieu and Passeron, 1970/1977]. Между моим подходом и подходом Бурдьё существуют некоторые сходные черты. Обе наши работы исходят из эмпирических исследований влияния образования на стратификацию, а также следствий инфляционного рынка образовательных дипломов. В ранней работе я использовал термин *культура статусной группы* для обозначения того, что называю сейчас *культурный капитал* [Collins, 1971]. Тем не менее я не согласен с принципом Бурдьё, по которому интеллектуальное поле имеет ту же природу и логику, что и социальное пространство неинтеллектуалов; динамика борьбы за интеллектуальное пространство отчетливо задается законом малых чисел; культурный капитал, характерный для передовой линии интеллектуальной конкуренции,— это не просто культурный капитал образованных людей; он также не является взаимозаменяемым с экономическим капиталом ни в том ни в другом направлении.

Далее, в любой момент времени индивиды будут обладать некоторым количеством *эмоциональной энергии* (ЭЭ), под которой я подразумеваю определенно-го рода силу, возникающую в результате успешного участия в каком-либо интерактивном ритуале. ЭЭ образует континуум с ранжированием от верхнего полюса доверия, энтузиазма, хорошего самочувствия — через средние состояния меньшей эмоциональной интенсивности — вниз, к нижнему полюсу депрессии, дурного самочувствия и отсутствия инициативы. Эмоциональная энергия долговременна, и ее следует отличать от преходящих, драматически разрешающихся порывов чувств (страх, радость, гнев и т. д.), которые больше принято называть «эмоциями»⁵. Эмоциональная энергия является наиболее важным видом переживаний из-за ее воздействий на ИР-цепочки. Она колеблется в зависимости от недавнего социального опыта, интенсивное ритуальное участие повышает эмоциональную энергию, исключение из ритуального членства понижает ее, господство (доминирование) над группой повышает эмоциональную энергию, переживание доминирования над собою понижает ее, ритуалы принадлежности к группе высокого статуса дают значительный прирост эмоциональной энергии, ритуалы принадлежности к группе низкого статуса дают умеренную эмоциональную энергию.

Индивидуальная траектория действий в каждый данный момент зависит от того, где находится человек по отношению к локальной социальной структуре, к тем сетям, в которых он участвует. С точки зрения индивида, такие сети предстают как его (или ее) структура возможностей. С точки зрения понимания <поведения> всего множества индивидов, нам нужно знать, как выглядит сеть в целом, со сколькими людьми каждый индивид контактирует и как каждый соотносится с остальными по культурным и эмоциональным ресурсам для совершения ИРа? До каких пределов эта сеть связывается посредниками и где она распадается на отдельные сети? Индивиды побуждаются к участию в ритуалах с наивысшей солидарностью, тяготея к таким столкновениям, в которых их репертуар символов и уровень эмоций соединяется с репертуаром и уровнем других людей так, что порождаются высокие степени солидарности, и избегая таких столкновений, в которых они были бы подчинены или отвержены. Если сеть стратифицирована, человек пытается, насколько это возможно, доминировать в своих ритуальных взаимодействиях; при отсутствии ресурсов для этого он, по возможности, старается избегать ритуалов, в которых подчинен.

Во всем этом присутствуют структурные принуждающие связи (structural constraints). Там, где существует конкуренция за членство в эгалитарных ри-

Кратковременные разрушительные эмоции лучше всего объяснить, представив их как отступления за нижнюю линию эмоциональной энергии, а значит, они определяются траекторией ЭЭ в любой конкретный период времени. Полная теория эмоций должна включать оба уровня. См. [Collins, 1990], а также в целом о социологии эмоций [Kemper, 1990, Scheff, 1990]

туалах, некоторые индивиды завладевают вниманием, поскольку у них КК и ЭЭ относительно выше, в то время как остальным внимание уделяется в меньшей степени из-за нехватки у них ресурсов такого типа. В группах, стратифицированных по собственности или реальной власти, эти принуждающие связи еще сильнее; в правящей коалиции ограничена степень свободы структурного пространства и для способности лишенных власти уклоняться от принуждения могут существовать жесткие пределы. У интеллектуалов есть особый вид ограничения величины пространства на вершине иерархии ритуального внимания, что я буду вскоре обсуждать как «закон малых чисел». Во всех этих отношениях локальная макроструктура детерминирует, какие ритуальные столкновения будут относительно более привлекательными или непривлекательными для данного индивида и, таким образом, как человек будет вкладывать свой культурный капитал и эмоциональную энергию. В принципе, вся структура могла бы достичь равновесия — состояния, в котором каждый индивид получил бы наилучшую из возможных в данных условиях отдачу в форме солидарности. Более обычен раунд переговоров, постоянно смещающихся от одного столкновения к другому, подобно воронкам, расходящимся по поверхности пруда, в который впадает несколько ручьев.

Модель ИР-цепочек может быть распространена вовнутрь, к потаенному ландшафту речи и мышления индивидов, мгновение за мгновением. Мы вернемся к этому обещанию социологии мышления. Поскольку именно мысли интеллектуалов заботят нас больше всего, давайте сначала возьмем различные компоненты ИР-цепочки — культурный капитал, эмоциональную энергию, стратифицированные сетевые структуры — и посмотрим, как эти понятия применяются к интеллектуальным сообществам.

Культурный капитал интеллектуалов

Рассмотрим теперь траекторию какой-либо индивидуальной карьеры в интеллектуальной сфере как ИР-цепочку. Интеллектуальный мир представляет собой грандиозный разговор, культурный капитал, циркулирующий как в периодических ритуалах «лицом к лицу», так и в написании текстов. Интеллектуалом человека делает его тяга к данному разговору: стремление участвовать в беседе о самой «горячей», центральной проблеме, в которой идеи имеют величайшую сакральность, и желание придать им, если возможно, отпечаток собственной личности так, чтобы его идеи имели широкое обращение в разговоре, а вместе с ними и личная репутация автора. Беседа интеллектуалов состязательна, она неявно включает «толкание локтями» и цепляние друг за друга с целью попасть в область сосредоточения внимания, причем как можно ближе к ее центру. Как достигают успеха в этой борьбе за ритуальную центральность? Можно предъявлять претензии двух видов: «Мои идеи новые» и «Мои идеи важные».

Творчество предполагает новые идеи. Их новизна предотвращает опасность того, что другие участники проигнорируют инициативу разговора, так как они уже слышали об этих идеях раньше. Но идеи не могут быть чересчур новыми, насколько бы ни были они творческими. Если бы общая теория относительности Эйнштейна вдруг попала в среду эллинистического интеллектуального сообщества, ее автор не имел бы успеха, поскольку тема была бы слишком далекой от узнаваемого. Чтобы добиться успеха, идеи должны быть важными, а важность всегда соотносится с тем, что уже обсуждается в интеллектуальном сообществе. Идеи важны благодаря своему положению на шкале интеллектуальных сакральных объектов. У символов тоже есть свои карьеры, строящиеся в процессе их циркуляции в ИР-цепочках. Новые сакральные объекты могут вытеснять старые, но интерактивные ритуалы, в которых новые символы освящаются, используют в качестве ингредиентов старые символы, чтобы собирать группу и фокусировать ее внимание. Культурный капитал включает парадигмы в куновском смысле, но также включает средства разрушения парадигм и замещения их другими.

Что делает один культурный капитал более весомым, чем другие? На минимальном уровне это знание основного словаря в данной области, ее понятий, ее прошлых достижений и наиболее известных сакральных объектов. Но это позволяет всего лишь войти в данную область. Чтобы занять в ней более видное положение, необходимо знать о том, что находится в центре текущего обсуждения, а также о символических компонентах, способных обеспечить аудиторию. В современной социологии науки это называется <передним> фронтом исследования, но этот термин слишком специфичен, поскольку относится к особому сектору интеллектуальной области, ориентированной на инновацию. На протяжении многих исторических периодов интеллектуальное сообщество находится в схоластическом режиме, поклоняется величественным текстам прошлого; в них, как считается, содержится вся полнота мудрости. Значительными оказываются люди, ставшие наиболее впечатляющими стражами этой классики.

Интеллектуальное творчество возникает из сочетания элементов, которые входили в состав прежних продуктов, созданных в данной области. Ссылки, обнаруженные в статье, являются примерным указанием на культурный капитал, который был в ней использован. Дерек Прайс вычислил по паттернам цитирования, что в современных естественных науках необходимо привлечь в среднем 12 «родительских статей», чтобы дать рождение «статье-потомку» [Price, 1975, p. 125]. Рассматривая эту структуру под иным углом зрения, мы можем сказать, что наиболее значительные интеллектуалы — это те, чьи статьи чаще цитируются: их идеи являются «родителями» наибольшего числа «потомков». Такие идеи дают возможность другим людям делать их собственные утверждения. Здесь мы сталкиваемся с некоторой сложностью. Наш общепринятый образ большого интеллектуала, великого естествоиспытателя, математика или ученого-гуманитария — это образ того, кто сделал важное открытие: разработал концепцию пла-

тоновых идей, теорию эволюции, доказал фундаментальную теорему исчисления. Это великие свершения в некоторой области знаний, без этих достижений было бы нечему учить новичков или нечего распространять среди аутсайдеров в качестве предмета восхищения. Однако для самого интеллектуального сообщества великие истины наиболее важны тогда, когда оно находится в режиме систематизации и комментаторства (*scholasticizing mode*) и обращено назад к собственному прошлому. Когда сообщество ориентировано на инновации, великие истины являются не столько преимуществом, сколько препятствием. Дело в том, что если истина уже открыта, то для идущих вслед интеллектуалов почти ничего не остается; они могут быть учителями для внешнего мира, хранителями или интерпретаторами истины, но не первооткрывателями как таковыми.

Парадокс состоит в том, что принадлежность интеллектуального сообщества к великой творческой эпохе означает, что оно должно одновременно делать великие открытия и опровергать их, причем не единожды, а вновь и вновь. Наиболее преуспевшие интеллектуалы, как правило, объединяются в цепочки сквозь поколения. Это подразумевает, что культурный капитал каждого опирается на свершения предшественников, что позволяет мыслителям продвигаться дальше по действительно важнейшим путям. Мы здесь имеем дело не просто с куновской парадигмой в смысле типовой структуры успешного исследования. Парадигмы включают мировоззренческие доктрины, в которых уже содержатся ответы на главные вопросы. Работа, которую они оставляют для множества «статей-потомков», является второстепенной, рутинной, заключающейся в добавлении деталей к тому, что уже в целом известно. По шкале интеллектуальной значимости такая работа относится к средним или ниже-средним рангам. Следовательно, культурный капитал, состоящий в полном овладении мощной парадигмой, не может быть наиболее ценным КК для будущего успеха кого бы то ни было.

Наиболее важный КК — тот, который способствует чьим-либо собственным открытиям. Помимо всего прочего, он устанавливает границы интеллектуальной территории, на которой может быть еще сделана работа. С помощью этого КК не просто решаются головоломки, но и создаются новые. Последняя теорема Ферма, мучительно взывающая о своем доказательстве, является, возможно, большим источником славы ученого, чем его законченные работы; и она, без сомнения, принесла гораздо большую известность самому Ферма, чем тому, кто в конечном счете доказал данную теорему. (Кажется, это и произошло, когда теорема была в конце концов доказана в 1994 г.) Великой интеллектуальной работой является та, что создает большее пространство, в котором могут работать последователи. Это означает, что именно несовершенства важных доктрин являются источником их привлекательности. Но величие должно быть на обеих сторонах: великие доктрины и великие несовершенства. Одна из причин возведения Платона в ранг доминирующей фигуры в поздней античности состоит в том, что неясные моменты в его теории идей вели к дальнейшим разработкам и даже формированию

весьма различных школ. Платоновские неясные теории души, бессмертия и реинкарнации были одним из источников популярности Платона и продуктивности его последователей. Сходным образом Венский кружок, как только он был сформирован в 1920-х гг., столкнулся с важнейшей проблемой: агрессивный упор участников кружка на верифицируемость и эмпирическую обоснованность осмысленных утверждений скоро привел к трудностям в изложении и верификации собственных изначальных принципов данного кружка. Но хотя эти противоречия должны были стать предметом критики со стороны оппонентов, они обеспечивали скрытую социальную мощь данной группы, поскольку давали материал для творческой работы многим членам кружка. Если бы оказалось, что первоначальную доктрину Шлика можно сразу же применять для работы, философские проблемы тут же растаяли бы и группа оказалась бы не у дел.

Интеллектуалы не пускаются на поиски противоречий, чтобы затем их умножать. Они пытаются решать проблемы, а не создавать их. Поверхность интеллектуального мира, сакральные объекты, на которых фокусируется его внимание, и структурные опоры интеллектуального сообщества не являются симметричными. С сознательной интенциональностью интеллектуалы ориентированы на то, что они считают истиной. Они не хотят подрывать свои собственные истины, хотя в социальном плане выгодно иметь изъяны в истинах, поскольку это сохранит живыми имена их создателей для последующих поколений творческих работников. Таким образом, культурный капитал, играющий решающую роль, должен быть чем-то таким, что интеллектуалы воспринимают как свой собственный путь. Они приходят к пониманию, что выдающимися их делает знание не только о великих решениях прошлого, ингредиентах, которые они могут использовать в своих собственных творениях, но также о том, где будет происходить следующее действие. Им нужно усвоить загадки и головоломки, наиболее значимые для будущей деятельности их коллег. Это чувство и интуитивное понимание того, как следует относиться к области интеллектуальных изысканий, является самой важной единицей культурного капитала, который индивиды получают от своих учителей. Это одна из причин, почему выдающиеся интеллектуалы связаны цепочками сквозь поколения.

Эмоциональная энергия и творчество

Эмоциональная энергия является той чертой творчества, которая больше подходит для психологического исследования. Однако распределение этой энергии структурировано социальным образом. Из исследований Дерека Прайса мы знаем, что наиболее выдающиеся интеллектуалы — в данном случае ученые-естественники середины 1900-х гг., чьи работы наиболее цитируемы, — являются наиболее плодовитыми по части публикаций; они также являются индивидами, которые дольше всего работали в своей области, тогда как остальные выпадали

из нее. Эти данные говорят о том, что значительность ученого во многом определяется наличием доступа к большому массиву КК и «оборачиванием» его с наибольшей скоростью, то есть составлением сочетаний («рекомбинацией») КК для получения новых идей и совершения открытий. Это могло бы означать, что суть творчества состоит просто в активности — в эмоциональной энергии при использовании культурного капитала. Психолог Дин Кит Саймонтон показал, что творческие люди проделывают весьма большую работу в различных областях, причем только часть ее получает признание [Simonton, 1984, 1988]. По-видимому, их формула успеха заключается в широком поле деятельности и попытках разработать новые сочетания идей, часть из которых отбирается, чтобы получить признание в интеллектуальном сообществе.

Такое представление подкрепляется многими исследованиями (см. обзор в работе: [Collins, 1975, p. 273-274]); в них обнаруживается, что творческие люди обладают сильным желанием формулировать собственные суждения; это, в свою очередь, обычно соотносится с возможностями еще с самого детства получать независимость и доступ к новым и новым порциям опыта. Часто встречаются случаи физической или социальной изоляции, во время которых такие молодые люди вводятся в замещающее <дефицит общения со сверстниками> «сообщество разума». Их ИР-цепочки отчуждаются от локальной циркуляции обыденной культуры и от ее давления, формирующего локальную конформность. Это снижение ритуальной плотности является необходимым условием для инновации; но оно также должно быть связано с периодической поддержкой со стороны ритуалов интеллектуальных сообществ, дающих свое идейное содержание и свою энергию. В таком паттерне жизненного пути творческой личности с самого детства обнаруживается последовательное развитие потоков энергии, направленных на независимость и инновацию; у некоторых людей эта энергия течет в сети интеллектуального пространства, где она трансформируется, направляется вверх или вниз в зависимости от доступных структурных возможностей.

Понятие «эмоциональной энергии» хорошо передает ту волну творческого вдохновения, которая подхватывает интеллектуалов или художников, когда они создают свои лучшие произведения. Такая волна позволяет им достигать интенсивного сосредоточения и придает им физическую силу для работы в течение долгого времени. Именно это восприятие творческих идей, приходящих, как может показаться, произвольно, греки мифологически обозначили как посещения муз или *даймонов*.

Одной эмоциональной энергии недостаточно: при отсутствии достаточного культурного капитала и соответствующей сетевой позиции в интеллектуальном сообществе творческий энтузиазм скорее предшествует крушению амбиций и провалу попыток получить признание. С другой стороны, кто-то, возможно имеющий КК, окажется лишенным ЭЭ в ситуации, когда этот капитал нужно использовать. Это можно ясно увидеть в более обыденных ситуациях, в разговорах,

когда человек не может придумать, что надо сказать, а мысль приходит к нему только после его ухода со сцены. Именно это Руссо называл «l'esprit d'escalier»* — умным замечанием, которое приходит в голову слишком поздно, когда человек уже спускается по ступенькам. Происходит же это потому, что ситуация социальной иерархии при непосредственном взаимодействии оказывается неблагоприятной, она снижает эмоциональную энергию человека, лишая его способности обладать достаточной уверенностью и инициативой для использования своего культурного капитала и произведения должного социального эффекта. Такая нехватка сфокусированной энергии поражает интеллектуалов в форме блокирования процесса письма — неспособности писать. Здесь также поток энергии создается посредством ощущения человеком ситуаций, в которых возможности для формирования благоприятных социальных альянсов (в данном случае доступных для других людей) открыты, и ситуаций, где такие возможности блокированы⁶.

Эмоциональная энергия, характерная для творческих интеллектуальных областей, не тождественна уверенности и агрессивности людей на других аренах социальной жизни. Энергия интеллектуалов — это не то же самое, что эмоциональная энергия преуспевающего политика, или финансиста-предпринимателя, или «души общества», или сексуальной звезды. Каждый тип энергии специфичен для конкретного вида социального рынка, где шансы наиболее благоприятны для особого типа культурного капитала и эмоциональной энергии, имеющихся у определенных людей. Есть отличительные виды культурного капитала и соответствующей ему эмоциональной энергии, характерные именно для интеллектуальных сетей; в различных областях есть и разные внутренние черты, поэтому условия, делающие людей творческими в геологии, обычно мало им помогают в литературе, математике или музыке.

В общей модели ИР-цепочек ЭЭ человека растет и снижается в зависимости от его непосредственного опыта и опыта недавних взаимодействий. Это относится и к интеллектуалам. Если интеллектуальная жизнь строится из ритуалов, в которых выступающие становятся центрами внимания, а идеи и тексты символизируют непрерывность интеллектуального сообщества во времени, мы можем

* Остроумие на лестнице (фр.).

Стиль письма является осадком от течения эмоциональной энергии конкретного вида. Шероховатый и запутанный стиль, полный фальшстартов и сомнительных переходов, исходит из слабого и колеблющегося течения ЭЭ. Автор, который прячет голос говорящего за неприступной стеной абстракций и технических деталей, цепляется за свою принадлежность сообществу специалистов-интеллектуалов, но не в творческом ядре сообщества, а вблизи его внешней границы, заботясь главным образом о том, чтобы отличаться от внешнего округа неспециалистов. Отличительные стили успешных интеллектуалов также являются следами доминирующих у них потоков ЭЭ. Звучные периоды у Гиббона отражают его членство в том мире, где ведущие авторы могли быть парламентскими ораторами и принадлежали к блестящей и состоятельной аристократии. Социальные источники сверхдоверительных стилей Рассела и Витгенштейна анализируются в гл. 13.

ожидать, что движение интеллектуальной ЭЭ индивидов — вверх или вниз — будет определяться характером их контактов с этими ситуациями и сакральными объектами. Ключевой переменной является степень вовлеченности человека в данные символические формы деятельности. Докладчик на семинаре повышает свою эмоциональную энергию, если аудитория откликается; то же происходит и со слушателями, если личный культурный капитал и траектория собственных интеллектуальных проектов позволяют им успешно сопрягать свои идеи с представляемой линией рассуждений. В обратном случае, неспособность донести содержание лекции до аудитории или неспособность слушателя понимать ее, возможно даже чувство отвержения аудиторией изложенных идей, подавляет ЭЭ человека. Личный уровень ЭЭ подобен резервуару, который наполняется или опорожняется в зависимости от величины опыта, получаемого человеком в таких благоприятных и неблагоприятных ситуациях, а также от соотношения между ними.

Потоки ЭЭ накапливаются в течение как долгих, так и коротких временных периодов. Поскольку обладание высокой эмоциональной энергией является одним из факторов, позволяющих человеку привлекать внимание в ритуальном взаимодействии и в целом влияющих на творчество, существует следующая тенденция: люди, уже удачно стартовавшие в плане ЭЭ, с течением времени становятся более «энергетически богатыми». Высокий уровень энергии выравнивается (достигает плато на условном графике) или начинает опускаться, если траектория карьеры приводит человека на те уровни конкуренции за внимание, где его уже начинают превосходить. Такое случается, когда кто-то, ставший знаменитым в рамках конкретной исследовательской специальности, оказывается вынесенным на более широкую арену, возможно междисциплинарную, или на обозрение широкой публики, где у него может и не быть достаточных ресурсов для участия в конкурентной борьбе. Эффект старта с низких уровней ЭЭ, похоже, является еще более эмпатически накопительным или кумулятивным. Так же как успех порождает ингредиенты последующего успеха, провал порождает дальнейшие интеллектуальные неудачи. Депрессия, блокирование письма, смещение внимания от интеллектуальных проектов обратно к повседневному миру — вот типичные пути, двигаясь по которым потенциальные интеллектуалы теряют способность оставить какой-либо след и выпадают из данного пространства. Большая часть интеллектуального поля в любой момент времени состоит из людей, находящихся в этом переходном положении.

Ключевые моменты опыта интеллектуалов — это моменты их непосредственного взаимодействия с другими интеллектуалами. На ЭЭ также влияет замещающий опыт интеллектуального сообщества. Поскольку слова, идеи и тексты нагружены дополнительными оттенками членства в различных сегментах интеллектуальных сообществ, опыт чтения, даже размышления об интеллектуальных темах, также влияет на характеристики эмоциональной энергии человека. Чтение

и мышление — это замещающие интерактивные ритуалы в том смысле, что индивид может в них участвовать и тем самым влиять на собственный уровень эмоциональной энергии. Это также верно и для опыта писания текстов. Процесс письма является замещающим участием в мире структур символического членства: поскольку человек способен выработать удовлетворительное отношение между идеями, он создает социальную коалицию, включающую его самого. Успешное писание накапливает эмоциональную энергию. Даже в течение очень короткого времени — минут или часов, — проведенного за столом, процесс письма может стать самовозрастающим эмоциональным потоком.

Результаты творчества высокого уровня кристаллизуются в символах и в этой форме могут циркулировать по интеллектуальной области, сообщая энергию любому, кто тесно сближается с ними. Когда группа обладает высокой степенью согласия относительно идей, вброшенных каким-либо интеллектуальным лидером, данный человек становится сакральным объектом для группы. Это и приводит к подъему культовых фигур интеллектуальной жизни, таких как Конфуций, Аристотель, Гегель, Маркс, Витгенштейн. Эти личности или даже их имена становятся кратким обозначением для целой системы идей. Поскольку интеллектуалы хорошо осведомлены о культовых фигурах прошлого и должны занять какую-то позицию по отношению к появляющимся или устоявшимся героям настоящего, в сознании каждого интеллектуала встает вопрос: «Могу ли я сам стать одним из этих героев и, возможно, достигнуть славы после смерти, чтобы мое имя тоже стало символом?» Мотивация к тому, чтобы стать сакральным символом, является силой, порождающей энергию для продвижения по интеллектуальной карьере. Одна из причин частого формирования цепочек от одного весьма творческого интеллектуала к другому состоит в том, что младший, так сказать, вытягивает энергию из старшего именно как из такого символического героя. Это не просто передача культурного капитала от одного поколения к другому, поскольку здесь мы имеем дело скорее с творческими отклонениями от позиции учителя, чем с ученической приверженностью ей. Сознание у протеже наполнено образом того, что значит быть интеллектуальным героем, идеалом, с которого следует брать пример, даже когда он бросает вызов идеям учителя.

Представление о потоке эмоциональной энергии помогает объяснить любопытную черту, которая часто встречается в жизни творческих личностей. Люди, ставшие впоследствии выдающимися, часто оказываются связанными между собой в жизни гораздо раньше. Гегель и Шеллинг были одноклассниками в Тюбингене, вместе с будущим поэтом Гёльдерлином, т. е. были знакомы друг с другом задолго до того, как каждый сделал что-либо значительное в интеллектуальном отношении. Но эта группа уже начинала порождать определенную харизму. Они проводили интенсивные идейные дискуссии, а ведь это — архетипический интеллектуальный ритуал. Некоторые формы их деятельности были даже откровенно ритуальными, например исполненное энтузиазма празднование Француз-

ской революции [Kaufmann, 1966, p. 8]. Эти ритуальные взаимодействия накапливали эмоциональную энергию заблаговременно, еще до выбора того или иного специфического направления творчества. Культурный капитал, придавший форму их ЭЭ, поступил при столкновении этой группы с Фихте, который уже был в личном контакте с Кантом и начал проводить Идеалистическую революцию в философии. Вполне вероятно, что именно эмоциональное качество данной группы, ее энтузиазм привлекли Фихте, как раз тогда добившегося своего первого успеха, ведь ради встречи с ними он пересек в 1795 г. всю Германию. По мере того как члены этой группы открывали ниши в пространстве интеллектуального внимания, успех одного помогал вытягивать и остальных. Среди бывших одноклассников Шеллинг первым достиг творческой славы в 1797 г. своей *«Философией природы»*. Затем он использовал свое влияние, чтобы Гегель получил преподавательскую должность в Йенском университете, этом бурлящем центре идеалистического движения, а также доступ к издателям. Гегель боролся за свою собственную нишу в интеллектуальном мире именно для того, чтобы попытаться сравняться со старым товарищем, и наконец в 1806 г. прорвался в центр внимания своей *«Феноменологией духа»*, причем во время этого процесса он разошелся со своим старым другом, чтобы заняться другими интеллектуальными областями.

В интеллектуальных карьерах можно найти множество других примеров такой ранней формативной (предрасположенной к росту) групповой структуры⁷. Появляется впечатление о группе, в начале развития которой ингредиентами являются талантливые молодые люди с доступными им культурными ресурсами, накапливающие свою эмоциональную энергию посредством интенсивных интеллектуальных взаимодействий. Эмоциональная энергия в этот период является «свободно дрейфующей»; она может течь в различных направлениях, в зависимости от появляющихся возможностей. По мере того как эти индивиды выстраивают свой собственный путь в конкретные интеллектуальные сети, их энергия превращается в творчество. Рассматривая их ретроспективно, мы

В Суньском Китае таковы братья Чэн, вместе обучающиеся и дискутирующие с ранних лет, а затем возглавляющие неоконфуцианское движение. Во Франции конца 1920-х гг. существовал студенческий кружок будущих выдающихся литературных и философских фигур, таких как Жан-Поль Сартр, Поль Низан, Раймон Арон, Симона де Бовуар и Морис Мерло-Понти [Cohen-Solal, 1987, p. 74-75]. В Лондоне начала 1850-х гг. группа юных друзей включала Герберта Спенсера, Т. Г. Гексли, Мэри Энн Эванс (Джорджа Элиота), Джона Тиндаля и Дж. Г. Льюиса, значимому творчеству которых еще предстояло проявиться в будущем. Дружба связывала юных Маркса и Гейне, а также Маркса и Энгельса. Столетиями раньше мы находим одноклассников Декарта и Мерсенна. Эта структура, по-видимому, пересекает границы между разными областями творчества, что вновь говорит о циркулировании здесь не столько культурного капитала, сколько эмоциональной энергии. Мы могли бы сюда добавить дружбу студентов Принстонского университета будущего романиста Ф. Скотта Фицджеральда, критика Эдмунда Уилсона и поэта Джона Пиля Бишопа [Mizener, 1959, p. 36-55]; или юный кружок «Блумсбери», который питал нарождающееся творчество в литературной, художественной и научной областях, прославленное благодаря работам Вирджинии Вулф, Литтон-Стрэчи, Джона Мейнарда Кейнса и др. [Bell, 1972].

распознаем их по поздним творческим результатам: мы видим в них начинающих философов, романистов, поэтов — чем бы их ни сделала наличная структура возможностей.

Структура возможностей

Момент за моментом, ситуация за ситуацией, каждый человек движется сквозь континуум интерактивных ритуалов, реальных или замещающих, различных по интенсивности — от высокой до минимальной, ритуалов, которые дают начало потоку культурного капитала и калибруют эмоциональную энергию людей, то увеличивая, то уменьшая ее. Эти локальные ситуации вложены в большие структуры: в данном случае в целое интеллектуальное сообщество, простирающееся так же далеко, как и сети в данном историческом периоде. Какой культурный капитал «приходит» к индивиду, зависит от того, где этот индивид локализован и чем из своего окружения он может воспользоваться. Уровень эмоциональной энергии варьирует вследствие локальных успехов или провалов в интерактивных ритуалах, что также зависит от чего-то вне индивида, а именно от способа, которым его собственный культурный капитал и эмоциональная энергия сопоставляются с капиталом и энергией людей, входящих с ним в контакт. Возможности для солидарности или соперничества и для того, чтобы находиться рядом с горячим центром или вдали от него, на тусклой периферии, распределены по всей совокупной сети. Культурный капитал течет по взаимосвязанным локальным сетям, давая шансы для успеха прежде всего тем людям, которые имеют доступ к этому капиталу, пока он еще является новым. Эмоциональная энергия также течет по этим сетям, местами собираясь в интенсивные скопления; но временами она покидает сети из-за сдвигов в пространстве внимания, происходящих, возможно, довольно далеко от той области, в которой индивиды испытывают воздействие этой энергии.

Что будет делать тот или иной человек в какой-либо момент времени, зависит от локальных процессов; но то, что приводит в эти локальные ситуации, приходит извне. Микродействие находится под влиянием макроструктуры. Определенный состав людей в интеллектуальном поле и форма их сетевых связей составляют тот макроконтекст, в рамках которого ведутся «переговоры» в любой конкретной микроситуации. От этой исходной точки социологическая теория может двигаться в трех направлениях. Во-первых, мы можем задать еще более охватывающий макровопрос: «Какие более крупные социальные условия вообще определяют возможности существования интеллектуальных сетей?» Это направляет нас к макрооснованиям сетей в политической, религиозной и образовательной организациях. Во-вторых, мы можем сосредоточиться на форме самой сетевой структуры и ее динамики во времени; это приводит нас к рассмотрению

внутренних стратификации интеллектуальных сетей и к тому принципу изменения через структурное соперничество, который я называю законом малых чисел. В-третьих, мы можем углубиться дальше в микроуровень и спрашивать, как реагирует индивид, находясь в разных позициях внутри сети. Первый вопрос будет занимать нас в последующих главах. Давайте рассмотрим второй и третий.

Каков бы ни был характер значительности (*eminence*), некоторые индивиды всегда имеют больший доступ, чем другие, к культурному капиталу, из которого данная значительность производится. Это не зависит от характеристик индивидов. Сама структура возможностей как бы фокусирует внимание на некоторых частях поля, оставляя в тени все остальные. Культурный капитал распределен по пространству внимания; наиболее ценен тот КК, который может быть успешно использован в следующем раунде конкуренции за внимание.

Представьте большое число людей на открытой равнине — что-то вроде ландшафта Сальвадора Дали или Джорджо Де Кирико. Каждый кричит: «Слушайте меня!» Вот это и есть пространство интеллектуального внимания. Почему же кто-то будет кого-либо слушать? Какую стратегию примет большая часть слушателей? Ситуация может развиваться по одному из двух путей.

Можно начать перепалку с кем-нибудь, опровергая то, что он говорит. Это даст аудиторию по меньшей мере из одного человека; а если приводимые доводы или аргументы имеют достаточную «звучность», спорщик может привлечь толпу. Теперь предположим, что каждый пытается предпринять то же самое. Некоторые аргументы предлагаются как исходные или привлекают большее внимание, потому что они противоречат позициям, уже принимаемым несколькими людьми; и если другие люди оказались на стороне той же аргументации, они собираются вокруг и обеспечивают поддержку. Есть преимущества инициатора и эффекты победившей партии. Племя «искателей внимания» (*attention seekers*), первоначально рассредоточенное по равнине, превратилось в несколько узлов аргументации. Закон малых чисел говорит, что количество этих успешных узлов всегда примерно от трех до шести. Пространство внимания ограничено; если несколько аргументов уже разделили толпу, значит, внимание отнято у тех, кто мог бы создать новый узел аргументации. Много в страстях интеллектуальной жизни определяется выбором времени — моментом, когда кто-то начинает продвигать собственную аргументацию.

Другой способ, с помощью которого эти искатели внимания могут добиться того, чтобы их слушали, состоит в поиске темы, о которой кто-то говорит, и выражении согласия с ним, с добавлением чего-нибудь развивающего данную аргументацию. Вместо формулы: «Нет, вы не правы, потому что...» здесь говорится: «Да, и более того...» Это превращает ситуацию в отношение между учителем и любимым учеником. Равнина, полная рассредоточенных одиночек-эгоцентриков, приобретает иной вид, образуемый цепочками, интеллектуальными

родословными, или линиями преемственности (линиджами — lineages), из звеньев «учитель — ученик».

Не имеет значения, следуют ли люди своим стратегиям сознательно или бессознательно. Результат в любом случае один и тот же. Конечно, можно было бы отвергнуть весь этот образ как оскорбительный по отношению к высоким интеллектуальным ценностям, к поиску истины ради нее самой. Прекрасно, давайте примем этот поиск истины в качестве начальной точки нашего рассуждения. На широкой равнине рассредоточено некоторое количество людей, ищущих истину. Почему кто-либо будет слушать то, о чем другой говорит как об истине? Проблема формирования сообщества, познающего истину, в точности та же, что и проблема искателей внимания, и все остальное следует тем же самым путем.

Две стратегии и связанные с ними социальные процессы — формирующие аргументацию и образующие линии преемственности между интеллектуалами — осуществляются одновременно. Это происходит потому, что люди находятся в своих линиджах, учатся чему-то друг у друга, так что у них есть о чем спорить, а культурный капитал, приобретаемый ими таким образом, влияет на то, кто будет привлечен из «толпы» на ту или другую сторону аргументации.

Будем считать теперь, что все происходящее на этой равнине искателей интеллектуального внимания воспринимается через опыт интерактивных ритуалов, интенсивность которых варьирует от низких до высоких показателей. Все люди движутся к тем ИРа, в которых они получают наибольшую отдачу эмоциональной энергии, и прочь от тех, которые грозят утечкой энергии. Получают ли они дополнительную энергию или теряют ее, зависит от раскладки КК и ЭЭ среди всех тех, с кем они входят в контакт; а КК и ЭЭ тех людей в свою очередь находятся под воздействием их развернутых контактов и так далее по всей сети. Данную структуру следует рассматривать как рынок с ограничениями (constrained market). В той мере, в какой люди располагают доступом друг к другу, они могут состязаться в своих КК и ЭЭ к своей наибольшей выгоде, как в открытом процессе торга⁹. Однако сама по себе степень доступа является переменной. У индивидов могут

Данный вопрос не относится к мотивации. Когда индивид вступит в интеллектуальную область, то будет уже структурной проблемой, где он найдет пропорциональную долю внимания. Этого не избежать, как бы человек ни ценил скромность, стремление держаться в тени или приверженность интеллектуальным добродетелям.

⁹ Строго говоря, для успешного ИРа участникам следует состязаться в сходных КК так, чтобы у них было о чем говорить. Для творческих интеллектуалов КК не могут быть совершенно одинаковы, но должны в достаточной степени перекрываться так, чтобы тот или иной участник мог предложить новый КК другим и КК могли быть перекомбинированы для производства новых идей. В уровнях ЭЭ участники не состязаются таким же образом. Для успешного ИРа необходимо как раз то, чтобы относительно высокая ЭЭ была по крайней мере у одного человека, позволяя ему взять инициативу обеспечения самого протекания взаимодействия и вынесения доступного КК на обсуждение. Согласно закону малых чисел существует тенденция получения наибольшего внимания одной персоной в каждой интеллектуальной группе; две персоны с очень высокими ЭЭ были бы склонны нивелировать <влияние> друг друга, соревнуясь за внимание. Формула для успешного ИРа такова: состязаются КК, дополнительные ЭЭ.

быть лишь ограниченные контакты, и они должны «торговаться» за участие в ИРе в условиях неблагоприятного соотношения культурных капиталов и эмоциональных энергий, поскольку лишь отдельные персоны оказываются доступными. Опять же здесь сама форма сети и местоположение индивидов в ней определяют то, что они могут делать: о чем они думают и с какой творческой энергией.

Наиболее важной сетевой характеристикой, влияющей на судьбу членов сети, является стратификация пространства внимания. Каждый человек пытается достичь членства с наилучшим интеллектуальным статусом, причем не только прямо, но также косвенным образом. Каждого привлекает мышление об идеях с высоким статусом, так же как и соприкосновение с персонами высокого статуса. Одна сторона, поднимая взор на высшие ярусы статусной лестницы, хотела бы заключить альянс, в то время как другая сторона, посматривая сверху вниз, не так уж к этому и расположена; преуспевающий интеллектуал может приветствовать появление последователей, но вряд ли выразит им в ответ большое признание. Орешек оказывается особенно крепким еще и потому, что сама интеллектуальная область структурирована соперничеством. Противостоящие позиции борются за господство, и даже в рамках одной позиции есть лишь ограниченное количество внимания, распределяющееся по ее защитникам.

Каждый интеллектуал стоит перед неким стратегическим выбором. Один, возможно, вообще уйдет и станет «королем гор», что означает попытку быть одиноким или почти одиноким в центре одной из главных интеллектуальных позиций. Другой, вероятно, покончит с проигрышами и вознамерится играть более скромную роль законного последователя некоторой успешной позиции; можно также стать помощником или сотрудником на активном исследовательском фронте или специалистом по какой-то менее признанной теме, связанной в то же время с меньшей конкуренцией. Некоторые люди, по-видимому, явно осознают такого рода альтернативы. Но независимо от того, осознают они его или нет, данный процесс все равно идет. Индивидам необязательно быть вычислительными машинами; вряд ли у них есть достаточная информация о целой сети для всеобъемлющего расчета, к тому же в любом случае внутренние познавательные ограничения сужают эти возможности¹⁰. Людьми движет, хотят они того или нет, сам поток культурного капитала и эмоциональной энергии в сетевой структуре.

¹⁰ Мы можем сделать даже более определенное суждение. Расчет является особым видом сознательного мышления. Поскольку мысль сама по себе определена культурным капиталом КК, эмоциональной энергией ЭЭ и окружающими сетевыми возможностями, существуют структурные условия, в которых через умы индивидов будут проходить такие предложения, как «Что случится, если я это сделаю? Не будет ли лучше, если я...» Мы могли бы также специфицировать условия, в которых индивиды ничего в таком роде не думают, но просто увлечены потоком действия. При течении постоянной энергии, высокой либо низкой, люди склонны следовать своему пути, не размышляя об этом. Вот когда из-за особенностей сетевых позиций потоки энергии становятся остро противоречивыми, тянут в ту и другую сторону, тогда сознательный расчет более вероятен. В пределе, низкий успех в ИРах, ведущий к низкой ЭЭ, в сочетании со множественностью непривлекательных возможностей взаимодействия, может парализовать самоотчет. Модель ИР-цепочек, развитая в этом направлении, составила бы социологическую психиатрию.

Изначально большинство интеллектуалов ставят нереалистично высокие цели и в эмоциональном отношении как бы сбрасываются вниз этой структурой. Будет или нет начинающий последователем или узким специалистом, зависит иногда от открытости соответствующих возможностей, притом что путь к более высоким и значительным позициям закрыт. Поток культурного капитала является долговременным ограничением, или принуждающей связью (*long-term constraint*); чья-то эмоциональная энергия позволяет быстрее приспособиться к наличным обстоятельствам. К тому же некоторые люди оказываются вознесенными в рамках этих структур, что превращает их из безымянных нулей в великие творческие фигуры своей области.

Всеобщность интеллектуальных ритуалов и священных объектов

Интеллектуальный мир состоит из всех интерактивных ритуалов, периодически происходящих на данном ландшафте, а также из потока сакральных объектов — идей и текстов, проистекающих из этих ритуалов. Такой взгляд на интеллектуальный мир является преднамеренным вызовом господствующим среди нас концепциям интеллектуальной жизни, как современной, так и принадлежащей истории прошлого. Когда мы сами формулируем «то, что происходит» в интеллектуальном мире, мы неизменно предполагаем образ одного или нескольких течений, обычно искаженных последователями. Специалисты по интеллектуальной истории могут быть в меньшей степени сторонниками таких течений из-за своей большей дистанции, но их воззрение остается частичным и вмещает всего несколько моделей, при необходимом ограничении обозримым числом имен и тем. Однако интеллектуальный мир гораздо шире, чем предстающий таким образом; кроме того, он не настолько жестко фокусирован. Наиболее подробные данные, имеющиеся у нас, охватывают исследователей в области естественных наук, составляющих лишь часть интеллектуального мира. В 1970-х гг. был приблизительно 1 млн ученых-естественников, публикующихся каждый год, и 90 тыс. исследователей в области социальных наук — обществоведов [Price, 1986, p. 234]¹¹. Если мы будем двигаться «назад», в историю, или «в сторону» — в менее активные области, количество будет меньше, но в любом случае все активное интеллектуальное сообщество гораздо более многочисленно и разнообразно, чем упрощенные картины, представленные даже в самых тщательно детализированных историях. Но и это еще не все. Интеллектуальная деятельность пульсирует. Сегодня насчитывается более миллиона ученых-естественников, которые каждые несколько лет включаются в интеллектуальную деятельность и уходят из этой

¹¹ В Соединенных Штатах количество авторов, публикующих коммерческие (продаваемые) книги, составляет ок. 45 000 [Kingstone and Cole, 1986, p. 36].

сферы; значительная масса научного сообщества принадлежит этому пульсирующему классу. Еще больше обрамление из учащихся — тех, кто только собирается быть интеллектуалами, участников со стороны, а также интеллектуалов, входящих в сферу активности или выходящих из нее. Вот та реальность, которой мы навязываем наши упрощения.

Вообразим себе то, что можно было бы увидеть, проникнув сквозь стены и даже в сознание людей. Социальный ландшафт показался бы нам состоящим из мерцающих мыслей. Если ходить по коридорам большого университета, слушая лекции и разговоры, а также внутренние беседы, составляющие мышление, то возникнет ощущение громадного разнообразия, даже какофонии. Тут будет достаточно обыденных, неинтеллектуальных мыслей: люди думают о задачах, которые им нужно выполнить, размышляют о своих друзьях или врагах, задумывают эротические или организационные стратегии; они тяжело переживают навязчивые мысли, возможно вспоминая о своих морщинах и отвечая на подшучивания; их сознание наполнено также обрывками слов, фраз, образов, обломками недавних обменов культурным капиталом. Но некоторые из этих идей будут ярко блистать своим эмоциональным значением, поскольку они заряжены в интерактивных ритуалах и превратились в сакральные объекты. Эти идеи, действующие подобно магнитным полюсам в интеллектуальном мышлении, являются фокусом долгого и серьезного внимания, которое и есть наиболее интенсивная деятельность интеллектуального мира.

Таких идей с высоким уровнем заряженности будет меньше, но они непропорционально влиятельны, они формируют менее значительные мысли в индивидуальном сознании, подобно выстраиваемому железные опилки магниту, а также создают напряжение среди многих людей, что и превращает последних в интеллектуальную группу. Но даже эти идеи отличаются многообразием, причем не только в разных коридорах университета, но в одном и том же месте, в одном и том же разговоре, а иногда и в одном сознании. Если мы раздвинем данный масштаб во времени и пространстве, то тотальность сакральных объектов (как ярко светящихся, так и тусклых), образующих интеллектуальный мир, будет весьма значительной: разнообразие мыслей, составляющих все интеллектуальные хитрости, фракции, специализации и дисциплины в данном периоде истории, а также разнообразие таких разнообразий, когда мы перемещаем свой фокус внимания через годы — на 20, 50, 1 000 лет назад и более. Если бы мы могли переместиться на 50 или 250 лет в будущее, можно смело обещать, что наблюдалась бы схожая структура, но наполненная иным содержанием.

Моя позиция отнюдь не ироническая, пессимистическая или релятивистская. Я вполне могу предположить, что многие из этих мыслей были или остались значительными как опыт, который стоит пережить, или даже как истина. Многие из них заслуживают того, чтобы быть сакральными объектами. Тотальность сегодняшнего знания напоминает круговую библиотеку Хорхе Луиса Борхеса с

бесконечными томами и бесконечными полками, а также жителями, ищущими главный каталог, похороненный среди стеллажей и полок и написанный шифром, ключ к которому никто не знает. Но мы также можем думать об этом знании как о волшебном дворце, в котором коридоры продуваются ветром приключений, а каждая комната полна сокровищ. Несчастье такого дворца только в излишестве, поскольку всегда могут быть найдены новые и еще более великие сокровища.

В борхесовском образе присутствует оттенок отчуждения, характерный для современных интеллектуалов; но внутренняя проблема состоит в его зачаточной демократичности, в отсутствии главного ключа. Многое в «интеллектуальном недомогании» начала XX в. состоит в этом консервативном подтексте, в стремлении к стратифицированию. Однако фактически и демократия и стратификация присутствуют в любом активном интеллектуальном сообществе. Даже в моем оптимистическом образе волшебного «замка идей» люди, живущие в нем, чувствуют, что есть внешние и внутренние покои, хотя они не всегда знают, которые из них какие; при этом они пытаются возвысить статус своих собственных покоев, надеясь, что занимают одни из внутренних. Все это имеет структуру, которая не зависит от числа людей и их идей. Структурного пространства достаточно только для ограниченного числа внутренних покоев, вне зависимости от того, насколько большие толпы собираются в прихожих.

То, что я обозначил как закон малых чисел, предполагает, что количество соперничающих позиций на переднем фронте интеллектуального творчества всегда невелико. Внутренние покои и не могут быть одни, но их редко бывает больше полудюжины. Именно так обстоит дело в царстве теории и, тем более, в философии. Однако ведущие к разделу на сегменты перестройки также возможны, особенно когда для некоторых областей знания требуются эмпирические материалы (которые могут включать тексты своей собственной истории). Тогда волшебный дворец может быть разделен на несколько крыльев, даже отделенных друг от друга. Каждая дисциплина или специальность может иметь свои внутренние и внешние круги, вновь подверженные закону малых чисел, с ограниченной демократией на вершине, причем она (демократия) возрастает в некоторых условиях благодаря высокой скорости изменения и неясности для окружения относительно местонахождения настоящего центра.

В целом же данная структура является полем сил, внутри которого действуют и мыслят индивиды. Эта структура ответственна за устойчивые узоры (паттерны) идей, а также за потоки энергии, образующие интеллектуальную повседневность или рутину; и только когда крупномасштабные силы перестраивают внутренние покои, выселяя одних и объединяя других, происходит новое сочетание, или рекомбинация, идей и появляются интенсивные потоки эмоциональных энергий, которые составляют эпизоды высочайшего творчества.

Стратификация в интеллектуальных сообществах

Наиболее полные данные об интеллектуальной стратификации, которыми мы обладаем, касаются естественных наук. С полным основанием можно полагать, что базовые структуры сходны для философии большинства гуманитарных (возможно, также художественных) дисциплин¹².

Среди ученых-естественников продуктивность распределена очень неравномерно. Число шансов произвести большое количество статей обратно пропорционально квадрату общего количества авторов [Price, 1986, p. 38, 223]; таким образом, количество ученых, которые производят очень большое число статей, ничтожно мало. Согласно оценке Дерека Прайса, степень стратификации одинакова во всех научных областях и с момента взлета естествознания при учреждении Британского Королевского общества в 1660-х гг. имеет тот же порядок [Price, 1986, p. 140].

Научное сообщество ученых имеет форму сильно заостренной пирамиды: если мы посмотрим на совокупность ученых-естественников, то увидим, что пирамида зиждется на широком основании из скромных работников — производителей научных текстов; если же мы посмотрим на совокупность произведенных ими статей, то соответствующая пирамида <количества статей на одного автора> предстает перед нами вонзенной острием в землю и обращенной широким основанием к небу. Из тех, кто вообще что-либо публикует, наибольшая группа (75%) производит лишь одну или две статьи на человека, что в лучшем случае составляет 25% всех опубликованных статей. Около одной двадцатой данной группы публикуют половину всех статей; они производят 10 или более статей за всю жизнь. Двое ученых из 165 (1,2%) производят 50 или более статей, и это дает четверть всего объема публикаций.

В рамках какой-либо конкретной области авторы делятся на тех, кто постоянно активен (континуанты), и тех, кто активен лишь короткое время (транзиенты) [Price, 1986, p. 206-226]. Транзиенты представлены только четвертью статей в любой период времени, но поскольку они приходят и уходят каждый год, текущая совокупность транзиентов составляет 75-80% всей совокупности ученых. «Нормальные континуанты», которые публикуются довольно часто в течение какого-то времени, составляют 60% активной совокупности в каждый год, но около 20% от всей текущей совокупности. Центральная группа наиболее продук-

¹² В теории Куна утверждается наличие фундаментальных различий между теми областями знания, в которых имеются парадигмы (т. е. точными и естественными науками), и теми, в которых их нет (т. е. гуманитарными и социальными «науками»). Однако во всех областях оказывается весьма сходной стратификация по творчеству и признанию. Анализ, указывающий на сходные структуры, которые лежат в основе карьер в художественном мире, в работе: [White, 1993], см также. [Kaufner and Carley, 1993], о математиках и социологах см.: [Crane, 1972].

Таким образом, мы приходим к четвертому уровню стратификации: к лидерам внутри ядра и, конечно же, ключевым формам деятельности среди всех занятий таких лидеров. Если вся совокупность составляет около 1 млн ученых-естественников, производящих 1 млн статей в год, то даже верхние 1-2% дают от 10 000 до 20 000 ученых. Это уже *сгёте**, но еще не *сгёте de la сгёте***. Среди них следует провести дальнейшую дифференциацию, чтобы добраться до Эйнштейна и других героев, о которых читают в историях науки. Для прочих видов интеллектуалов данные немногочисленны; но можно быть уверенным, что ситуация, сложившаяся среди естественников, характерна и для остальных ученых.

Стратификация культурного капитала и эмоциональной энергии

Доступ интеллектуалов к ключевому продуктивному капиталу является ограниченным. Опять-таки больше всего мы знаем об ограничивающих структурах для ученых-естественников; это дает нам возможность ясно увидеть те черты, которые стратифицируют любую интеллектуальную область.

Современное естествознание характеризуется высокой конкуренцией и стремительным движением; только тот, кто первым публикует информацию о своем открытии, получает признание. Отсюда происходит свойственная ученым-естественникам тенденция концентрироваться вокруг популярных исследовательских областей. Приз дается за скорость, за добывание ключевых результатов до того, как это сделает кто-либо другой. И преимущество здесь получают те, кто тесно связан в социальных сетях. Данные о неформальных коммуникациях, циркуляции материалов до их официальной публикации показывают, где локализована эта неформальная группа. Членство в сети социального ядра коррелирует с высокой продуктивностью отчасти потому, что оно облегчает быструю передачу культурного капитала.

Если в качестве аутсайдера полностью полагаться лишь на чтение литературы в условиях растущего изобилия статей, то все труднее узнать, где и что смотреть. Случайный обзор литературы через просмотр журналов или, хуже того, с помощью указателей и реферативных, справочных источников (в печатном или электронном виде), которые скорее перегружают информационные каналы, чем фокусируют их, не приведет читателя к ключевому культурному капиталу, за который следовало бы ухватиться. Нужно опять-таки иметь преимущество — быть интеллектуально и социально связанным с сетевым ядром.

В эмпирических естественных науках инновация зависит от знакомства с последними исследовательскими технологиями [Price, 1986, p. 237-253]. Такое

* Сливки (фр.).

** Сливки сливок (фр.).

знание обычно неразглашаемо и неформально; оно передается скорее через личный контакт, а не через знакомство с опубликованными статьями. Это другой ресурс, монополизируемый теми, кто близок к активному ядру исследовательского сообщества.

Ведут ли эти структуры к более жесткой стратификации современных эмпирических естественных наук в сравнении с другими областями? Большое количество ученых-естественников и их зависимость от дорогих, быстро меняющихся технологий исследования нагнетают темп интеллектуальной конкуренции. Меньшая область, такая как философия, а на самом деле любая из гуманитарных дисциплин не дает таких призов за быстрый доступ к движущемуся фронту быстро устаревающей информации или исследовательского оборудования. Однако степень стратификации культурного капитала может быть приблизительно такой же, поскольку области, движущиеся медленнее, менее дифференцированы по специальностям; то, вокруг чего идет конкуренция, сфокусировано на одних и тех же центральных требованиях интеллектуальной значительности. А здесь уже начинается «давка» («crunch») — ограниченное в размере пространство внимания, которое позволяет только малому числу интеллектуальных позиций быть признанными в любой период времени.

Данные процессы воздействуют на накопление ЭЭ как положительным образом, так и отрицательным. На вершине индивиды с хорошим доступом к культурному капиталу благодаря своему прошлому опыту, наставникам и участию в ключевых социальных сетях имеют высокую ЭЭ. Они с энтузиазмом и преданностью относятся к своей области, работают очень напряженно, в полную меру используют свои возможности и получают очень высокие награды в форме признания. Такие авторы лучше остальных способны отслеживать уровень конкуренции; хотя при этом соперники могут иногда опережать их в публикации результатов, они, как показывает Хагстром, также способны одерживать победу над другими на протяжении весьма длительного времени [Hagstrom, 1965]. Такие индивиды продвигаются в сторону роста уровня ЭЭ (или постоянно поддерживают его высоким). Вот что дает им репутацию «творческих личностей».

На нижнем уровне популяция состоит из временных участников, или транзитивных. Я бы приписал склонность к переходу, или транзитивность, их низкой ЭЭ, а ее в свою очередь — слабой структурной позиции относительно доступа к ключевому культурному капиталу. Они проявляются как тот «тип человека», у кого всегда неприятности — препятствия, разочарования, семейные и финансовые трудности, всегда, казалось бы, мешающие таким людям завершить свою работу. Это здесь мы находим знакомое блокирование письма у терпящих неудачу интеллектуалов, «вечных диссертантов» из продвинутых старшекурсников. Я истолковываю их проблему как низкий уровень ЭЭ, специфичной для успеха в данной интеллектуальной области. Конфигурации эмоциональной энергии отражают распределение культурного капитала и сетевых возможностей в окружаю-

щей их структуре. Эти люди кажутся «бедными лизами», поскольку их ЭЭ для интеллектуального производства постоянно иссякает, делая их неспособными преодолеть неинтеллектуальные трудности.

Интеллектуальные барьеры сами по себе являются существенными. Есть несколько препятствий, которые должны быть преодолены; прохождение самого низкого может показаться большим делом с нижней позиции — с точки зрения аутсайдера, но индивиды с относительно скромным культурным капиталом и эмоциональной энергией, скорее всего, оказываются деморализованы, когда обнаруживают после пройденного еще один барьер, а потом еще и еще. Публикация одной статьи делает человека признанным естествоиспытателем или ученым-гуманитарием, но только среди широкого транзитного сообщества, большинство членов которого, как правило, выпадают из активной деятельности; публикация двух или нескольких статей вводит человека во внешний круг интеллектуально активного мира. Авторы, публикующиеся на этих низких уровнях продуктивности, обычно мало цитируются (а во многих случаях вообще не цитируются); таким образом, надежда на отдачу не материализуется. Даже после публикации нескольких статей шанс получить высокое признание и большое приращение ЭЭ невелик, если человек уже не вошел в ключевые (ядерные) сети. Теперь возникают дальнейшие барьеры: публикация нескольких статей в год в течение пяти лет и наконец попадание в верхнюю группу знаменитых авторов. Последний барьер и является «главным убийцей», поскольку структура интеллектуального сообщества, по-видимому, гарантирует, что такие «звезды» всегда будут существовать; однако для широкого большинства уже практикующих ученых или собирающихся ими стать статус такой «звезды» является недостижимой целью. Переживание столкновения с этими барьерами — вот что вызывает высокий уровень транзитности, выпадения из режима активной научной работы. Даже для индивидов, прорвавшихся к более высоким уровням интеллектуального успеха, борьба продолжается на более узком конкурентном пространстве. Это толкает многих, даже наилучшим образом оснащенных, к тому, чтобы отбросить свои высокие творческие притязания и осесть в роли последователя в каком-нибудь интеллектуальном лагере. Стратификация ЭЭ является более жестко ограничивающей, чем стратификация КК; именно первая превращает вершину интеллектуального мира в столь сильно заостренный пик пирамиды.

Чамблисс дает захватывающий образ различий в рангах достижения в любой состязательной области — интеллектуальной, спортивной или профессиональной [Chambliss, 1989]. Реальностью для тех, кто находится в успешном внутреннем круге, является «земное царство безупречности» («the mundanity of excellence») — гладкое рутинное использование хорошо настроенных ресурсов с надежным знанием того, как от такой деятельности получать отдачу. Тем же, кто находится во внешних кругах, даже во втором конкурирующем ранге, кажется, что обладающие успехом имеют некое таинственное качество, и это чувство различия порождает барьер тревоги, который делает преграду еще более непреодолимой.

Социология мышления

Социальная структура имеется везде, вплоть до самого нижнего микроуровня. В принципе, кто, что и кому скажет, детерминировано социальными процессами. И это означает, что существует не только социология разговора или беседы, но и социология мышления. Вербальное мышление представляет собой интериоризованный* разговор. Мышление интеллектуалов, творческое или рутинное, в особенности поддается этому виду анализа. Объясняется это тем, что в отличие от большинства обычных мыслей оно оставляет следы: как тут же, в процессе письма, так и более масштабно — в структуре интеллектуальных сетей.

Язык сам по себе является продуктом некоего всеобъемлющего естественного ритуала. Рудиментарный акт говорения включает ингредиенты, перечисленные в начале этой главы: собрание группы, обоюдный фокус внимания, общее чувство; слова — в качестве результата — являются коллективными репрезентациями, нагруженными моральной значимостью. Дюркгейм подчеркивал, что мы распознаем сакральные объекты, чувствуя, что они находятся вовне и имеют принудительный характер, а также испытывая автоматически возникающее возмущение в ответ на насилие по отношению к ним. Именно так мы себя и ведем, когда кто-то неверно употребляет слово, неправильно произносит его или нарушает грамматику, принятую в данной группе.

Слова, как и любой иной компонент культурного капитала, имеют свою историю как результат прохождения через ИР-цепочки. Слова порождаются (или предлагаются новым индивидам) в некоторых ситуациях взаимодействия и нагружаются эмоциональной значимостью, соответствующей степени солидарности в этом конкретном столкновении. Будучи присвоены человеком как часть его «репертуара», они становятся средствами переговоров в последующих ситуациях. То, как воспринято слово, произнесенное человеком, легко или с затруднением, является способом проверки, будет ли кто-либо еще участвовать с ним в дальнейших ритуалах солидарности; слова являются «аттракторами» («притягивателями») или «отталкивателями», которые направляют человека к конкретным столкновениям или прочь от них.

То же самое касается и других аспектов языка, помимо словаря и произношения. Координация речевых действий между беседующими, их углубляющаяся ритмическая вовлеченность в конкретное течение беседы формирует непрерывный смысл вербальных жестов от одного столкновения к другому. Микроситуационная координация происходит на нескольких уровнях: во взаимном ожидании и замысле грамматической структуры, в речевых актах, в которых эта структура социально воплощается, в эмоциональных движениях личных отношений, в познавательном измерении того, о чем говорится, в гофманианском «перестрое-

* Перешедший из внешней речи во внутреннюю.

нии», или рефрейминге*. Все это составляет социальное действие, придающее разговору смысл. Язык — это не замкнутая социальная вселенная; он может быть использован для указания на вещи или для координации практических действий. Делает он это или нет, но язык работает только потому, что содействует выработке дюркгеймианской солидарности. Это позволяет социологически интерпретировать философское различие смысла и референции [Dummett, 1978, p. 441-454]. Референция слов — это их указание на что-либо вне данной части беседы; смысл слов (а также предложений и разговора в целом) является их символической связью с социальной солидарностью, а значит, с прошлыми историями и текущим использованием в цепочках интерактивных ритуалов. Конкретные речевые акты не всегда могут иметь референцию; но речи (дискурса) вообще не может быть, если в ней нет интерактивно-ритуального смысла.

Предсказуемость разговоров

Именно потому, что язык имеет социальный смысл (а в некоторых случаях также и внешнюю референцию), разговоры в принципе предсказуемы. Я утверждаю это даже вопреки подчеркиванию Хомским бесконечных разнообразий предложений, которые могут быть сказаны и распознаны; и конечно же, есть множество практических трудностей для занятия позиции, позволяющей предсказывать то, что люди собираются сказать. Тем не менее, если бы мы знали некоторые общие характеристики культурного капитала любых двух индивидов, их эмоциональные энергии, а также позиции на рынке возможных взаимодействий, мы могли бы предсказать многое из того, что они скажут друг другу. В ситуациях, когда мы осведомлены о многих из таких элементов (например, встречи за коктейлем с коллегами по профессии, а особенно с теми из новых знакомых, которые пока не имеют ничего общего с остальными, кроме основного занятия), мы часто находим, что разговоры предсказуемо стереотипны. И это действительно так, несмотря на наше обычное ограничение знанием только собственных ритуальных ингредиентов, в то время как полная предсказуемость потребовала бы от нас такого знания относительно обеих сторон.

В целом разговор детерминирован следующим образом. Позиции индивидов на социальных рынках (их прошлый успех и текущие возможности в торге за членство в столкновениях различных социальных рангов) детерминируют, насколько сильно они привлечены к каждому конкретному столкновению, возникающему между ними, либо отвращены от этих столкновений, либо безразличны

* [Goffman, 1959]. См. раздел «Перестроения в ходе исполнения» в русском переводе книги: Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000. С. 231-250.

по отношению к ним. Некоторые сочетания людей в итоге обоюдной мотивации продолжают то взаимодействие, которое происходило между ними в прошлый раз; некоторые люди жаждут взаимодействия с другими, особенно с людьми высокого ранга; другие пресыщены взаимодействиями и безразличны к персонам более низкого ранга. (Я не пытаюсь описать исчерпывающим образом все имеющиеся здесь структурные возможности.)

Степень сетевой привлекательности, ощущаемой индивидами, будет детерминировать выбор ими лингвистических актов. Человек выбирает слова, фразы, стиль речи, которые подходят для того типа группового членства, относительно которого он пытается вести переговоры или своего рода «социальный торг». Собеседник делает то же самое. В ходе этих переговоров каждый участник, исходя из символов, «выставляемых» остальными, узнает нечто большее о внутренней «паутине» групповых членств, которые представляются в беседе. По ходу разговора «акции членства» колеблются вверх и вниз, и это меняет сиюминутную мотивацию участников, которые могут продолжить разговор, сменить уровень эмоциональной вовлеченности или же закончить беседу.

Разговор детерминирован, поскольку индивиды выбирают те языковые акты, которые соответствуют их «рыночным» мотивациям. Каждое высказывание является тактическим ходом, предлагающим контекст группового членства, к которому оно призывает, а также уровень интимности для личных отношений. Слушатель подхватывает то, что было предложено, чувствует какую-то степень привлечения или отторжения с учетом предшествующих ресурсов и текущей «рыночной» ситуации и выбирает ответ, который является контрпредложением в этом социальном торге. Высказывания соединены в цепочку посредством скрытого смысла групповой принадлежности и интимности; зная позицию индивида в социальных сетях и, таким образом, его мотивации, мы можем предсказать, что этот человек скажет в ответ на каждое предыдущее высказывание.

Я вовсе не имею в виду, что люди обычно вовлечены в сознательный расчет, думая о смыслах групповой принадлежности и выбирая из своего репертуара нечто подходящее тому уровню членства или интимности, которого они хотели бы достичь. Когда люди разговаривают, они сознают, главным образом, то, *о чем* они беседуют (т. е. референцию беседы), и только бессознательно ощущают социальные мотивации, детерминирующие, что и как они говорят (т. е. ее смысл). Лишь когда люди попадают в ситуацию, где они испытывают затруднение и в ее продолжении, и в том, чтобы из нее выпутаться, они начинают осознавать себя и преднамеренно рассчитывают, что именно сказать и какой будет социальный эффект от этого. Некоторые люди, конечно же, могут поступать так довольно часто (стеснительные подростки в сексуальных переговорах, социальные карьеристы, политики); особые сетевые позиции делают уровень их самосознания более высоким, чем обычно.

Предсказуемость мышления

Мышление есть, главным образом, интериоризированный разговор. То, о чем мы думаем, является отражением того, о чем мы разговариваем с другими людьми, и того, о чем мы общаемся с ними через статью или доклад. Совмещая эту предпосылку с теорией эмоциональной энергии, порожденной взаимодействием, мы можем сказать, что мыслимое человеком детерминировано интенсивностью его недавнего опыта ИРов, а также теми взаимодействиями, которые он ожидает в ближайшем будущем.

Мышление движимо эмоциональным грузом символов, заряженных динамикой рынков социального членства. Эмоциональная энергия индивида в любой данный момент отбирает символы, дающие ему оптимальное чувство групповой принадлежности. Мышление человека является разыгрываемой в его сознании пьесой социального членства. Это маневрирование ради наилучшей символической отдачи, которую может получить человек, используя потоки энергии, происходящие из недавних социальных взаимодействий и ожиданий будущих столкновений. Символы заряжены с различной интенсивностью, которая зависит от степени эмоциональной солидарности, реально существовавшей в ритуальной ситуации. По этой причине сразу же после интенсивного ритуального участия сознание человека остается по-прежнему полным побуждающих мыслей, символов, оставленных только что прошедшей ситуацией, которые как бы зависают в его сознании, причем запечатлеваются с необычайной силой. Потрясающий матч оставляет толпу зрителей возбужденной и готовой часами говорить об этой игре, а при отсутствии реальных разговоров заставляет людей мысленно к ней возвращаться. То же самое верно и для сильной политической речи, эмоциональной религиозной службы или, на более интимном уровне, личной беседы, которая существенно меняет динамику эмоциональной энергии человека.

Сходное влияние оказывают ожидаемые взаимодействия. Когда человек знает, что ему предстоят определенные виды столкновений, тогда мысли, пригодные для социальных отношений, о которых он хочет вести переговоры, или социальный торг, иными словами, те содержания, которые будут вызваны его рыночной мотивацией в данной ситуации, начинают прибывать в его сознание мощным потоком. Гипотеза такова: чем сильнее для индивида эмоциональная значимость ожидаемого столкновения, тем более наполнены его мысли воображаемой репетицией ожидаемого разговора. Человек обычно не осознает подобную репетицию как таковую; соответствующее содержание является просто тем, о чем он думает.

Чтобы понять силу этой социальной причинности, давайте представим конструирование такого искусственного интеллекта (ИИ), который мыслил бы как человек. Вместо заполнения его программами для информационного процессора мы начнем работу извне вовнутрь. Ключевой способностью теперь будет осуществление интерактивных ритуалов. Наш социологический ИИ (назовем его

ИР-ИИ) должен быть обеспечен элементарной способностью фокусировать внимание и разделять общие эмоциональные настроения, затем сохранять результаты каждого сильно фокусированного взаимодействия в качестве маркеров социального членства. Такой ИИ должен представлять собой нечто большее, чем компьютер с монитором и клавиатурой; у него должно быть некоторого рода тело, способное распознавать и продуцировать эмоции. Наиболее естественный способ сделать это — снабдить его электронным ухом и голосовым прибором, способным настраиваться на ритмические узоры, или паттерны, человеческой речи, и имитировать их. Тогда вначале наш ИР-ИИ будет осуществлять ИРы на наиболее элементарном уровне, синхронизируя голосовые ритмы с его собеседником. Фокусом внимания в ИРе будет просто сама вокальная координация, содержание тех паттернов, ритмический резонанс с которыми был достигнут наилучшим образом, было бы сохранено в качестве символов этого момента социальной солидарности. Такой ИР-ИИ можно представить как «ребенка», ритмически аukaющего при взаимодействии со своими родителями-людьми¹⁴

Цель такого младенческого ИР-ИИ состоит в выстраивании разговорного репертуара, следующего ритуальной координации очередности высказываний в беседе. Способность говорить и вербальный репертуар ИР-ИИ будут не запрограммированы, но выстроены через его историю ИРов. Наш ИР-ИИ будет сохранять речевые паттерны в памяти, ранжируя каждый соответственно его ЭЭ-нагруженности, т. е. некоторому числу, варьирующему вместе с интенсивностью ритмической координации во взаимодействии. Это и был бы его «культурный капитал». В точности так же, как у людей в их ИРах, ЭЭ-нагруженность символов является наибольшей в тот момент, когда происходит ИР, затем она постепенно угасает в последующие дни и недели, если не используется вновь в другом успешном ИРе. Элементы памяти, которые не сопровождаются непрерывными социальными эмоциями, блекнут и исчезают.

Последуем в нашем мыслительном эксперименте к той точке, в которой наш ИР-ИИ способен к полноценному разговору. Прыжок к мышлению заключается просто в том, чтобы оставить этот ИР-ИИ в уединении, без человеческих контактов, и заставить его осуществлять беседы с самим собой. Он запрограммирован на поиск в памяти партнеров, с которыми недавно разговаривал, и «вытягивает» тех, у кого наивысшая ЭЭ, измеряемая уровнем успешной ритмической координации в этих беседах. В своем репертуаре он ищет культурный капитал для таких тем, которые приносили бы наилучшую ЭЭ-отдачу, и использует их для построения высказываний в своей внутренней беседе.

¹⁴ Данный набросок «беседующего искусственного интеллекта» развит в книге [Collins, 1992]. Об уровнях ритмической координации в беседе см. [Sacks, Schegloff, and Jefferson, 1974, Gregory, 1994].

Такой ИР-ИИ был бы полностью открытым. Любой из разговоров, которые он ведет с другими людьми, и любая из внутренних бесед, которыми он занят в качестве собственного мышления, может заполнить любую вариацию из громадного разнообразия человеческой речи. То, о чем он говорит, и то, о чем он думает, будет зависеть от того, с кем он взаимодействует. Чтобы стать философом, он должен беседовать с философами; чтобы стать социологом, он должен беседовать с социологами. Каким образом он мог бы стать первоклассным творческим интеллектуалом? Тем же способом, что и человек: он должен был бы вступить в сетевой контакт с ключевыми кружками предыдущего поколения творческих интеллектуалов, будучи введенным в центральные линии аргументации в спорах между соперничающими группами. Он должен ухватить смысл точек кристаллизации в этой сети, играя на законе малых чисел и учитывая смещение фокуса пространства внимания. Он делал бы это не с помощью какой-либо формы особо изощренного расчета сетевых позиций, но будучи частью этой сети, настраиваясь на изменчивые уровни ЭЭ в единицах КК, которые составляют поток этой энергии в разговорах. Наш социологический искусственный интеллект творит, конструируя новую беседу, сочетающую культурный капитал нескольких групп так, чтобы максимизировать уровень ЭЭ каждой, объединяя отдельные разговорные ритуалы в один мощно сфокусированный ритуал, управляющий вниманием сети. Он творит, создавая новую коалицию в разуме.

Внутренняя жизнь сообщества интеллектуалов

Интеллектуальная жизнь, как и все остальное, осуществляется в ряде вложенных друг в друга уровней. Начнем с центра — человеческого тела, обладающего сознанием и заряженного эмоциями. Вокруг него имеется интеллектуальная сеть с ее динамикой, рыночные возможности для идей, которые открываются в конкретные периоды времени. Творчество возникает у индивидов, занимающих оптимальные позиции для достижения преимущества в условиях этих возможностей. Поскольку ситуация имеет конкурентный характер, обладатели лучших шансов обретают стойкое превосходство по уровню значительности творчества; другие вынуждены становиться последователями или соперниками, выбирающими «противоположный галс» по отношению к тому, что уже взяли лидеры. Некоторые из пришедших слишком поздно остаются в роли бросающих вызов и выдавливаются <из сети> посредством этой структуры.

Окружением микроядра является *организационная основа*, которая предоставляет интеллектуальным сетям возможность существовать. Университеты, издатели, церкви, царственные покровители и все остальные, обеспечивающие материальными ресурсами, задают количество состязающихся на пути к интеллектуальной карьере. Организационная динамика покровительства оказывает влияние на внутреннюю форму интеллектуального поля; особенно судьбоносными

являются периоды кризиса, перестраивающие каналы карьерного продвижения и вызывающие реорганизацию пространства внимания, которая становится основной величайших творческих эпох.

Наконец, есть самая большая структура — политические и экономические силы, питающие данные организации. Соответствующий наиболее внешний уровень макропричинности не столько прямо детерминирует виды создаваемых идей, сколько содействует стабильности или изменению в организациях, поддерживающих интеллектуальные карьеры, а это, в свою очередь, формирует сети внутри них.

В центре кругов, <составляющих интеллектуальную жизнь>, находится творческий опыт: Гегель за своим столом ночью 12 октября 1806г. бьется над тем, чтобы закончить «Феноменологию духа», в то время как за его спиной громыхает битва за Йену. Читающий или пишущий интеллектуал одинок, но ментально он не является одиноким. Его идеи нагружены социальной значимостью, поскольку они символизируют членство в существующих и предполагаемых в будущем коалициях интеллектуальной сети. Творческие идеи создаются как новые сочетания, или рефрейминги прежних идей; творческие интуиции интеллектуала определяются ощущениями того, к каким группам эти идеи апеллируют и каким интеллектуальным антагонистам противостоят. Сетевая структура интеллектуального мира перемещается в творческое сознание индивида. Творческие всплески суть эмоциональная энергия, поступающая из воображаемых интерактивных ритуалов.

Мышление — это разговор с воображаемыми аудиториями¹⁵. В случае творческого интеллектуала это не просто какая-либо воображаемая аудитория (как «обобщенный другой» Мида в наиболее абстрактном смысле). Высокие степени интеллектуального творчества возникают из реалистической апелляции к существующим или ожидаемым в будущем интеллектуальным аудиториям, а также из предложения таких идей, которые на соответствующем «рынке» будут пользоваться наибольшим спросом. Для этого требуется, чтобы индивидуальный творец хорошо знал свою аудиторию посредством чтения и, прежде всего, путем контактов «лицом к лицу», сплетение которых образует ключевые узлы сети. Успешные интерактивные ритуалы приносят интеллектуалу повышение эмоциональной энергии, происходящее из благоприятного соотношения ресурсов между

Это не следует принимать слишком буквально. Мышление производится идеями, исходящими из прошлых разговоров; эти идеи приходят в сознание в той мере, в какой они несут эмоциональную нагрузку, исходящую из социальной солидарности, с которой они были ассоциированы в прошлых беседах. Вербальное мышление не зависит от визуализации кого-либо, говорящего перед аудиторией. Не следует предполагать, что у некоторых людей (скажем, «интеллектуалов») есть живое воображение, в то время как большинство из нас прозаически совершает свое дело мышления без представления аудитории. Социальный смысл идей — вот что составляет саму возможность человеческого мышления.

ним и собеседниками — из обладания культурным капиталом, обеспечивающим принятие интеллектуала в качестве члена группы, и, что самое важное, позволяющим ему захватить центр внимания в группе. Творческие интеллектуалы проводят такие интерактивные ритуалы в своей голове. Эмоциональная энергия успеха в этих воображаемых ритуалах — вот что составляет творческую энергию, способность к устойчивой концентрации, чувство того, что тебя увлекает притяжением потока идей. Данный процесс часто сопровождается чувством экзальтации, потому что это не просто какие-то идеи, а *идеи, которые ощущаются успешными*.

Это не означает, что интеллектуалы должны осознавать, к кому их идеи будут обращены. Им вообще не нужно думать о мыслящих коллективах; они могут полностью концентрироваться на референции своих мыслей — в философии, математике, социологии, в какой-либо иной области, — и стараться выработать идеи, которые кажутся им наилучшими. Тем не менее социальный смысл в их идеях присутствует, причем именно он направляет интеллектуалов при построении новых идейных комбинаций. Творческий энтузиазм — это не что иное, как эмоциональная энергия, специфическая для интеллектуалов в тех ключевых позициях, в которых они располагают культурным капиталом, апеллирующим к ключевым аудиториям. В нем выражена эмоциональная сторона ожидания того, как интеллектуальное сообщество будет себя реструктурировать в новых коалициях, используя идейные творения человека как новые символы группового членства. Говоря словам Мида, «обобщенные другие» интеллектуальных творцов наиболее жестко закреплены в ядре интеллектуального сообщества; их собственное мышление является скрытым разговором, подтверждающим существование соответствующих интересов других интеллектуалов. Творческий интеллектуал, играя различными идеями, играет, в сущности, различными перегруппировками интеллектуального сообщества, производя новых «обобщенных других» в своем разуме и надеясь на то, что данная интеллектуальная сеть реорганизуется себя вокруг этих идей.

Внешняя референция идей также может существовать; я не хочу отрицать возможную реальность содержания интеллектуальных идей помимо их смысла социального членства. (Как бы я мог это сделать, не подрывая истинность моих собственных идей?) Человеческая мысль является двусторонней. Мыслитель находит наилучший доступный путь одновременно через все эти ограничения, сквозь то, что ограничивает, принуждает или привлекает. Идеи попадают в разум человека и преобразуются в аргументацию, которая представляет коалицию членства, дающую наибольшую эмоциональную энергию, доступную в данной сети; в самом этом процессе человек вырабатывает то наилучшее суждение для выражения эмпирической истины, логической аргументации, понятийной адекватности, на которое он только способен. Социальная конструкция идей гораздо глубже, чем простая дихотомия между логикой и <эмпирическими> данными,

с одной стороны, и социальными ограничениями, принуждающими связями — с другой. Мы увидим, что логика глубоко социальна, она является скрытым размышлением об истории самих интеллектуальных операций.

В большей части этой книги, при исследовании истории интеллектуальных сетей, мы обычно обнаруживаем, что самые личные и интимные материалы относительно микроуровня социологии мышления недоступны; наш «телескоп» просто не дает возможности навести достаточно четкий фокус. В лучшем случае мы выхватываем долговременные контуры цепочек взаимодействий и их продукты — идеи, которые являются знаменитыми, поскольку они переносились в непрерывных формах и терминах аргументации. Слабое разрешение нашего «телескопа» позволяет легко соскользнуть в овеществление личностей, личных имен, к которым относятся как к субстанциям и которые являются обычными темами интеллектуальной историографии. Но даже там, где нам приходится вглядываться в прошлое через затемненные линзы, давайте постоянно напоминать себе, что нужно мыслить аналитически ту реальность, которая некогда была конкретными человеческими жизнями: потоком микроситуаций, являющимся темой нашего рассказа.

Существует социальная причинность творчества, даже в его потаенном ядре — в содержании новых идей, вспыхивающих в сознании интеллектуалов в творческие моменты. Течение цепочек интерактивных ритуалов детерминирует не просто кто будет творцом и когда, но также, *что* это будут за творения.